

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 декабря 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 26 ноября 2019 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладами по этому вопросу выступили судья Верховного Суда Российской Федерации **Н.В. Павлова** и судья Верховного Суда Российской Федерации **С.В. Асташов**.

Н.В. Павлова отметила, что развитие взаимодействия государственного правосудия и третейского разбирательства в России в последние десятилетия в полной мере отражает тенденции правового регулирования в иных сферах права, обеспечивающих экономический оборот, — от полной свободы и нацеленности на саморегулирование на первых этапах развития нового Российского государства до выкристаллизовывания стандартов добросовестного поведения в данной сфере посредством судебной практики и трансформации этих стандартов в нормы закона на современном этапе развития Российской Федерации.

С начала проведения экономических реформ в Российской Федерации правосудие оценивало третейское разбирательство как важнейшее альтернативное средство разрешения споров, как инструмент, который необходим участникам гражданского и экономического оборота, как институт, влияющий на привлекательность отечественной юрисдикции в целом. В связи с этим вопросам третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, формированию современных подходов судебной практики к данным институтам высшие судебные инстанции нашего государства всегда уделяли специальное внимание.

Однако предметом постановления Пленума высшей судебной инстанции нашей страны указанные вопросы становятся впервые. Необходимость принятия такого постановления обусловлена целым рядом причин.

Во-первых, потребность обобщения подходов судебной практики в отношении содействия и контроля за третейским разбирательством и международным коммерческим арбитражем, которая активно форми-

ровалась судами Российской Федерации последние 30 лет. Поскольку арбитраж — институт международный, важно освещать национальные подходы в целях формирования представления о сложившемся правовом климате в соответствующем вопросе.

Во-вторых, значимость формулирования и освещения актуальных подходов судебной практики по итогам состоявшейся в 2015—2016 годах законодательной реформы арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации, которая была направлена на повышение доверия к третейскому разбирательству в обществе и бизнес-среде.

В-третьих, необходимость отражения в нашей судебной практике современных международных стандартов взаимодействия государственного правосудия и третейского разбирательства (международного коммерческого арбитража) в целях унификации отечественной судебной практики со сложившимися в высших судебных инстанциях иных государств подходами.

Вместе с тем настоящий проект постановления Пленума является последовательным продолжением проводимой в последнее время Верховным Судом Российской Федерации работы по формированию правовых позиций, обеспечивающих привлекательность отечественной экономики для инвестиций, а российской юрисдикции — для разрешения международных споров. Представленный для обсуждения документ является логическим продолжением этой работы. Он призван продемонстрировать и иностранцам, и отечественным инвесторам нацеленность судов Российской Федерации на поддержку такого важного в инвестиционных отношениях способа разрешения споров, как арбитраж (третейское разбирательство).

Продолжая характеристику проекта постановления, **С.В. Асташов** в своем докладе отметил актуальность предлагаемых разъяснений Пленума применительно к делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции.

Постоянно увеличивающаяся судебная нагрузка и количество гражданско-правовых споров обуславливает необходимость поиска и развития альтернативных способов их разрешения, в числе которых на первом месте, безусловно, находится третейское разбирательство, подвергнутое масштабной законодательной и организационной реформе, целями которой является повышение привлекательности и эффективности третейского разрешения споров.

В рамках этой реформы в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ были внесены, по существу, аналогичные изменения, что обусловлено единством принципов третейского разбирательства и аналогичными функциями содействия и контроля судов в сфере третейского разбирательства.

Сходные правоотношения в этой области в зависимости от субъектного состава участников могут быть предметом рассмотрения как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, в частности в связи с поручительством физических лиц, залогом их имущества в обеспечение обязательств юридических лиц, в связи с переменной лиц в обязательстве на основании сделки и т.п. Тем более, что с вступлением в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, поименованного в прессе “процессуальной революцией”, совпавшим с другим грандиозным событием — началом деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, из процессуальных кодексов исключено понятие подведомственности применительно к арбитражным судам и судам общей юрисдикции.

Однако это не отменяет необходимости четкого процессуального разграничения компетенции данных судов.

Содержащееся в представленном проекте постановления Пленума разъяснение о разграничении такой компетенции дано исходя из стандартной и уже отработанной на практике совокупности характера спорных правоотношений и субъектного состава, с соблюдением специальной компетенции арбитражных судов, которая в предусмотренных законом случаях не зависит от субъектного состава.

Применительно к третейскому разбирательству и арбитражу речь идет о характере требований, разрешенных или подлежащих разрешению третейским судом, и о составе участников третейского разбирательства.

В целом данный проект содержит большое количество разъяснений как общего характера, так частных случаев толкования и применения норм об арбитраже и третейском разбирательстве, направленных на повышение эффективности и привлекательности института третейского разбирательства и формирование единообразной судебной практики в данной сфере.

Для подготовки проекта постановления была создана рабочая группа из ученых, специализирующихся в сфере третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, представителей общественных объединений, предпринимателей и юристов, судей Российской Федерации, специализирующихся на рассмотрении данной категории дел. Все вопросы, поступившие из судов Российской Федерации, обсуждены и проанализированы.

В разработке проекта постановления наряду с судьями Судебной коллегии по экономическим спорам и Судебной коллегии по гражданским делам, а также сотрудниками Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации принимали участие представители Министерства юстиции Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, представители научно-исследовательских организаций юридического профиля.

Проект постановления был предметом обсуждения на заседании Научно-консультативного совета Верховного Суда Российской Федерации.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа **И.Ю. Юшкарёв**, судья Калининградского областного суда **С.Е. Устинович**, статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Российской Федерации **В.В. Федоров**, доктор юридических наук, профессор,

член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **И.С. Зыкин**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Н.А. Винниченко**, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **М.Ю. Барщевский**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Груздев**.

24 декабря 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 10 декабря 2019 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил судья Верховного Суда Российской Федерации **С.Р. Зеленин**, который отметил, что ранее вопросы судебной практики по делам о таких преступлениях Пленумом Верховного Суда Российской Федерации на разъяснялись.

Несмотря на то, что по статистике 2018 года и первого полугодия 2019 года доля осужденных за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми в общей структуре судимости за преступления против личности составила относительно небольшой процент, следует учитывать, что каждое из таких деяний существенно нарушает одно из основополагающих конституционных и конвенционных прав человека — его право на личную свободу, вызывает большой общественный резонанс, причиняет потерпевшему глубокую психологическую травму. Помимо унижающего достоинство обращения с человеком как с объектом, с вещью, нередкими являются одновременные или последующие посягательства на здоровье и жизнь потерпевшего, его собственность и другие законные интересы.

Все эти обстоятельства свидетельствуют об актуальности темы проекта постановления.

Как показало изучение судебной практики, а также мнений судов по вопросам, разъясняемым в проекте постановления Пленума, имеющиеся трудности в применении ст.ст. 126, 127 и 127¹ УК РФ преимущественно связаны с толкованием диспозиции уголовного закона, а поэтому и с квалификацией соответствующих преступлений. Причина в том, что в уголовном законе отсутствуют определения понятий похищения человека, незаконного лишения свободы, а также действий, образующих торговлю людьми.

В связи с этим для разработки данного проекта постановления Пленума наряду с изучением судебной практики большое значение имели результаты анализа международных актов и теоретических работ по рассматриваемым вопросам.

Например, для разъяснения терминов, характеризующих торговлю людьми, разработчики обращались к положениям Протокола от 15 ноября 2000 года о предупреждении и пресечении торговли людьми, в особенности женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, ратифицированной Российской Федерацией в 2004 году, а также Модельного закона Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ “О противодействии торговле людьми” 2008 года.

Проект прошел необходимые этапы разработки, в том числе обсуждение в Судебной коллегии по уголовным делам, на заседании рабочей группы с участием представителей всех заинтересованных ведомств, правозащитных организаций, а также на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

При подготовке проекта постановления Пленума были изучены и приняты во внимание предложения и замечания судей Верховного Суда Российской Федерации, судей нижестоящих судов, представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов и других участников рабочей группы.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Ростовского областного суда **В.И. Носов**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Л.Г. Коржинек**, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент **С.Л. Нудель**.

В работе Пленума приняли участие статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Российской

Федерации **В.В. Федоров**, полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Е.Б. Мизулина**, полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Д.В. Бессарабов**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации **Г.В. Минх**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Груздев**.

24 декабря 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял также постановление “О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” и от 16 октября 2009 года № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 53 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 10 декабря 2019 г.

О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража

В целях обеспечения правильного и единообразного рассмотрения дел, связанных с выполнением судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, **п о с т а н о в л я е т** дать следующие разъяснения.

1. Общие положения. Источники внутреннего и международного права

1. Право сторон гражданско-правового спора на выбор альтернативных средств разрешения споров, в том числе на передачу спора в арбитраж (третейское разбирательство), основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Содействие развитию альтернативных средств разрешения споров — одна из задач судебной власти Российской Федерации, реализуемая на основании норм статьи 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статьи 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) в пределах, предусмотренных федеральным законом (главы 14¹, 45, раздел VI ГПК РФ, главы 15, 30, 31 АПК РФ, статьи 5 и 6 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации” (далее — Закон об арбитраже), статьи 5 и 6 Закона Россий-

ской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже” (далее — Закон о международном коммерческом арбитраже).

Статьей 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) определено, что защита нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляется судом, арбитражным судом или третейским судом в соответствии с их компетенцией.

Арбитраж (третейское разбирательство), в том числе международный коммерческий арбитраж, представляет собой процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом (арбитражным решением) (пункт 2 статьи 2 Закона об арбитраже, статья 2 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Арбитраж (третейское разбирательство), в том числе международный коммерческий арбитраж, является альтернативным способом разрешения споров, важные особенности которого состоят в автономии воли сторон, конфиденциальности процедуры и возможности определения ее правил самими сторонами спора, беспристрастности и независимости арбитров, недопустимости пересмотра решения по существу судами Российской Федерации (далее — суды), соответствии решения публичному порядку Российской Федерации.

2. Посредством арбитража (третейского разбирательства) могут разрешаться как внутренние споры (внутреннее третейское разбирательство или арбитраж внутренних споров), так и споры международного характера, в том числе в рамках международного коммерческого арбитража, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических

связей, определенные в пунктах 3, 4 статьи 1 Закона о международном коммерческом арбитраже.

3. Если иное не предусмотрено федеральным законом, суды осуществляют функции содействия и контроля в отношении как арбитража (третейского разбирательства), который администрируется постоянно действующим арбитражным учреждением, так и арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*) (статьи 1, 2 Закона об арбитраже).

4. Правовое регулирование отношений в сфере внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража (далее в отношении внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража — третейское разбирательство), а также выполнения судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, являющимися в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, ГПК РФ, АПК РФ, Законом об арбитраже, Законом о международном коммерческом арбитраже, иными законами и нормативными правовыми актами.

5. Международными договорами Российской Федерации в сфере третейского разбирательства, в частности, являются Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее — Конвенция 1958 года) и Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 года (далее — Конвенция о внешнеторговом арбитраже).

Конвенция 1958 года применяется для разрешения вопросов, связанных с признанием и приведением в исполнение иностранных арбитражных решений, то есть решений, вынесенных на территории государства, иного, чем то государство, где испрашивается признание и приведение в исполнение таких решений (пункт 1 статьи 1 Конвенции 1958 года).

Положения Конвенции о внешнеторговом арбитраже на основании пункта 1 статьи 1 распространяются на случаи, когда физические и юридические лица, являющиеся сторонами арбитражного соглашения или в отношении которых вынесено арбитражное решение, на момент заключения арбитражного соглашения имеют постоянное местожительство или соответственно свое местонахождение в различных Договаривающихся Государствах.

6. Положения Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года, Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, а также положения двусторонних международных договоров Рос-

сийской Федерации о правовой помощи не регулируют вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, если такими международными договорами Российской Федерации не предусмотрено иное.

В случае, если в сферу действия двустороннего международного договора о правовой помощи входят вопросы признания и приведения в исполнение решений третейских судов, положения такого договора не распространяются на процедуру проведения третейского разбирательства, в том числе на порядок извещения сторон арбитража.

7. Закон о международном коммерческом арбитраже и Закон об арбитраже применяются к арбитражу (третейскому разбирательству) с учетом положений о сфере их действия.

В отношении международного коммерческого арбитража, если место арбитража находится на территории Российской Федерации, применяются часть 7¹ статьи 7 “Определение, форма и толкование арбитражного соглашения”, статья 39 “Хранение арбитражных решений, постановлений о прекращении арбитража и материалов дел арбитража”, статья 43 “Внесение изменений в юридически значимые реестры”, глава 9 “Образование и деятельность постоянно действующих арбитражных учреждений в Российской Федерации”, глава 10 “Соотношение арбитража и процедуры медиации”, глава 11 “Ответственность некоммерческой организации, при которой создано постоянно действующее арбитражное учреждение, и арбитра”, глава 12 “Заключительные положения” Закона об арбитраже (часть 2 статьи 1 Закона об арбитраже и пункт 2 статьи 1 Закона о международном коммерческом арбитраже).

В отношении международного коммерческого арбитража, если место арбитража находится за границей, применяются статья 8 “Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде”, статья 9 “Арбитражное соглашение и обеспечительные меры суда”, статья 35 “Признание и приведение в исполнение арбитражного решения”, статья 36 “Основания для отказа в признании или приведении в исполнение арбитражного решения” Закона о международном коммерческом арбитраже.

8. На основании пункта 3 статьи 1 Закона о международном коммерческом арбитраже при наличии арбитражного соглашения иностранный инвестор вправе обратиться с иском в третейский суд по правилам международного коммерческого арбитража, в том числе к российской коммерческой организации, по спору, возникшему в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации.

В случае если спор возник не в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации, российская коммерческая организация, доля (вклад) в уставном (складочном) капитале которой принадлежит иностранному инвестору, при наличии арбитражного соглашения вправе обратиться в третейский суд по правилам о внутреннем третейском разбирательстве (часть 4 статьи 2 Закона об арбитраже).

2. Компетенция судов в отношении третейского разбирательства.

Подсудность

9. К полномочиям судов относятся функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, осуществляемые с учетом пределов вмешательства суда, установленных статьей 5 Закона об арбитраже, статьей 5 Закона о международном коммерческом арбитраже.

К осуществляемым судом функциям содействия третейскому разбирательству относятся:

проводимые в порядке, предусмотренном нормами главы 47¹ ГПК РФ, § 3 главы 30 АПК РФ, процедуры разрешения вопросов, связанных с назначением третейского судьи (статья 11 Закона об арбитраже, пункт 4 статьи 11 Закона о международном коммерческом арбитраже),

с отводом третейского судьи (статьи 12, 13 Закона об арбитраже, статьи 12, 13 Закона о международном коммерческом арбитраже),

с прекращением полномочий третейского судьи (статья 14 Закона об арбитраже, статья 14 Закона о международном коммерческом арбитраже);

а также получение доказательств (статья 63¹ ГПК РФ, статья 74¹ АПК РФ) и

принятие обеспечительных мер, в том числе обеспечение доказательств, в связи с третейским разбирательством (часть 3 статьи 139 ГПК РФ, статья 72, часть 3 статьи 90 АПК РФ).

Выполнение отдельных функций содействия третейскому разбирательству может быть возложено на иное, специально уполномоченное лицо (пункт 11 Приложения I и пункт 10 Приложения II к Закону о международном коммерческом арбитраже). В указанном случае суд отказывает в принятии заявления о назначении арбитра, об отводе арбитра или о прекращении полномочий арбитра (пункт 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, пункт 1 части 1 статьи 127¹ АПК РФ), а производство по соответствующему заявлению в случае возбуждения дела судом подлежит прекращению применительно к абзацу второму статьи 220 ГПК РФ и пункту 1 части 1 статьи 150 АПК РФ.

В рамках арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), также возможно оказание судом содействия в отношении третейского разбирательства, за исключением содействия в получении доказательств (статья 63¹ ГПК РФ, статья 74¹ АПК РФ).

10. Функции контроля в отношении третейского разбирательства осуществляются судом в следующих процедурах:

оспаривание постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции (часть 3 статьи 16 Закона об арбитраже, пункт 3 статьи 16 Закона о международном коммерческом арбитраже, статья 422¹ ГПК РФ, статья 235 АПК РФ);

оспаривание решения третейского суда (статья 40 Закона об арбитраже, статья 34 Закона о международном коммерческом арбитраже, глава 46 ГПК РФ, § 1 главы 30 АПК РФ);

выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, принятого на территории Российской Федерации, и признание, приведение в исполнение иностранных арбитражных решений (статья V Конвенции 1958 года, статья IX Конвенции о внешнеторговом арбитраже, статьи 41 и 42 Закона об арбитраже, статьи 35 и 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, главы 45 и 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 и глава 31 АПК РФ).

При осуществлении функций содействия и контроля суд проверяет, возможна ли передача спора на разрешение третейского суда, а также является ли арбитражное соглашение действительным, исполнимым и не утратившим силу (пункт 3 статьи II Конвенции 1958 года, статья 8 Закона об арбитраже, статья 8 Закона о международном коммерческом арбитраже, статья 22¹, абзац шестой статьи 222 ГПК РФ, статья 33, пункты 5 и 6 части 1 статьи 148 АПК РФ).

11. По делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, компетенция судов общей юрисдикции и арбитражных судов определяется по правилам статьи 22, пункта 9 части 1 статьи 26 ГПК РФ, статей 27, 28, 31, 32 АПК РФ исходя из характера требований, разрешенных (подлежащих разрешению) третейским судом, и субъектного состава участников спора в совокупности.

В том случае, когда на стороне ответчика в третейском разбирательстве выступают как физические, так и юридические лица, взыскатель предъявляет заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения в суд общей юрисдикции ко всем должникам, если разделение требований невозможно (часть 4 статьи 22 ГПК РФ, часть 7 статьи 27 АПК РФ).

Функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства по корпоративным спорам с участием юридических лиц, указанных в статье 225¹ АПК РФ, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, осуществляют арбитражные суды Российской Федерации независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане (пункт 2 части 6 статьи 27 АПК РФ). Указанный подход также применим в отношении споров, вытекающих из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и ценные бумаги и с осуществлением предусмотренных федеральным законом иных прав и обязанностей (пункт 4 части 6 статьи 27 АПК РФ), споров, вытекающих из деятельности публично-правовых компаний, государственных компаний, государственных корпораций (пункт 5 части 6 статьи 27 АПК РФ).

Функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства по корпоративным спорам в отношении юридических лиц, указанных в пункте 8 части 1 статьи 22 ГПК РФ, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (части 1, 3 статьи 22¹ ГПК РФ),

осуществляют суды общей юрисдикции Российской Федерации.

12. Функции содействия третейскому разбирательству по назначению, отводу, прекращению полномочий арбитра (арбитров) осуществляются районным судом, арбитражным судом субъекта Российской Федерации по месту третейского разбирательства (часть 5 статьи 427¹ ГПК РФ, часть 9¹ статьи 38, часть 5 статьи 240¹ АПК РФ).

Содействие в получении доказательств применительно к части 1 статьи 63¹, главе 47¹ ГПК РФ, части 1 статьи 74¹, § 3 главы 30 АПК РФ осуществляется районным судом, арбитражным судом субъекта Российской Федерации по месту нахождения истребуемых доказательств.

13. Заявление о принятии обеспечительных мер в связи с третейским разбирательством подается в суд по месту нахождения третейского суда, либо по адресу или месту жительства должника, либо месту нахождения имущества должника (часть 3 статьи 139 ГПК РФ и часть 3 статьи 90 АПК РФ), а заявление о принятии предварительных обеспечительных мер — по адресу заявителя, либо по месту нахождения денежных средств или иного имущества, в отношении которых заявитель ходатайствует о принятии мер по обеспечению имущественных интересов, либо по месту нарушения прав заявителя (часть 3 статьи 99 АПК РФ).

14. Заявление об отмене решения третейского суда или международного коммерческого арбитража с местом арбитража на территории Российской Федерации подается в районный суд, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, на территории которого принято решение третейского суда. По соглашению сторон третейского разбирательства такое заявление может быть подано в районный суд, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту жительства или по месту нахождения (адресу) одной из сторон третейского разбирательства (часть 2 статьи 418 ГПК РФ, часть 8¹ статьи 38, часть 4 статьи 230 АПК РФ).

Заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или международного коммерческого арбитража, принятого на территории Российской Федерации, подается в районный суд, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту жительства или месту нахождения (адресу) должника либо, если его место жительства или адрес неизвестны, по месту нахождения имущества должника — стороны третейского разбирательства. По соглашению сторон третейского разбирательства такое заявление может быть подано в районный суд, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, на территории которого принято решение третейского суда, либо по месту жительства или месту нахождения (адресу) стороны третейского разбирательства, в пользу которой принято решение третейского суда (часть 2 статьи 423 ГПК РФ, часть 9 статьи 38, часть 3 статьи 236 АПК РФ).

Заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения

подается в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения (адресу) или месту жительства должника либо, если его адрес или место жительства неизвестно, по месту нахождения имущества должника (пункт 9 части 1 статьи 26, часть 4 статьи 1, статья 410 ГПК РФ, часть 9 статьи 38, часть 1 статьи 242 АПК РФ).

Заявления заинтересованного лица о возражениях против признания иностранного арбитражного решения, не требующего принудительного исполнения, подаются в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения (адресу) или месту жительства заинтересованного лица либо месту нахождения его имущества, а если заинтересованное лицо не имеет места жительства, адреса или имущества в Российской Федерации, то в Московский городской суд, в Арбитражный суд города Москвы (пункт 9 части 1 статьи 26, часть 2 статьи 413 ГПК РФ, часть 9² статьи 38, часть 3 статьи 245¹ АПК РФ).

15. Для целей определения подсудности под местом нахождения третейского суда, местом проведения, осуществления третейского разбирательства или местом принятия решения третейского суда понимается место арбитража, которое определяется по правилам части 1 статьи 20 Закона об арбитраже, пункта 1 статьи 20 Закона о международном коммерческом арбитраже и, если стороны не договорились об ином, указывается в арбитражном решении (пункт 2 части 2 статьи 34 Закона об арбитраже, пункт 3 статьи 31 Закона о международном коммерческом арбитраже). Место арбитража может не совпадать с местом нахождения арбитражного учреждения, по правилам которого производится третейское разбирательство, а также с местом проведения слушания по делу.

3. Рассмотрение судами вопросов о компетенции третейских судов. Споры, подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда. Арбитражное соглашение

16. Суд устанавливает факт наличия (отсутствия) компетенции третейского суда путем проверки соблюдения сторонами спора условий обращения к третейскому разбирательству.

На рассмотрение третейского суда может быть передан спор, имеющий гражданско-правовой характер, если иное не установлено федеральным законом, и между сторонами имеется действующее арбитражное соглашение (часть 3 статьи 3, часть 1 статьи 22¹ ГПК РФ, часть 6 статьи 4, статья 33 АПК РФ, части 3 и 4 статьи 1, часть 6 статьи 4 Закона об арбитраже, пункт 3 статьи 1 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Если имеется соглашение сторон о рассмотрении спора третейским судом и любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в суде первой инстанции заявит возражение в отношении рассмотрения дела в суде, суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, за исключением случаев, если установит, что это соглашение недействительно, неисполнимо или утратило силу (абзац шестой статьи 222 ГПК РФ, пункт 5 части 1 статьи 148 АПК РФ).

Суд также оставляет без рассмотрения исковое заявление на основании абзаца шестого статьи 222 ГПК РФ, пункта 6 части 1 статьи 148 АПК РФ в том случае, если стороны заключили соглашение о передаче спора на разрешение третейского суда во время судебного разбирательства до принятия судебного акта судом, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, если любая из сторон заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в суде, за исключением случаев, если суд установит, что это соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

При решении вопроса об оставлении искового заявления без рассмотрения в связи с наличием арбитражного соглашения суд проверяет наличие признаков, с очевидностью свидетельствующих о недействительности, неисполнимости арбитражного соглашения или об утрате им силы, а также о том, что спор не подлежит рассмотрению в третейском суде. Выводы суда об отсутствии таких признаков не препятствуют изучению этих вопросов третейским судом в рамках установления компетенции на рассмотрение спора, а также не являются обязательными для суда, осуществляющего функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства в дальнейшем (статья 16 Закона об арбитраже, статья 16 Закона о международном коммерческом арбитраже).

В соответствии с частью 1 статьи 8 Закона об арбитраже, пунктом 1 статьи 8 Закона о международном коммерческом арбитраже, если исковое заявление по вопросу, в отношении которого заключено арбитражное соглашение, подано в суд, и при этом спор не подлежит рассмотрению третейским судом, суд рассматривает данный спор по существу даже при наличии возражения одной из сторон против рассмотрения спора в суде.

17. Споры и иные дела, вытекающие из гражданско-правовых отношений (гражданско-правовые споры), допустимо разрешать в порядке третейского разбирательства, если иное прямо не установлено федеральным законом (часть 1 статьи 22¹ ГПК РФ, часть 1 статьи 33 АПК РФ, часть 3 статьи 1 Закона об арбитраже).

Часть 2 статьи 22¹ ГПК РФ, часть 2 статьи 33 АПК РФ устанавливают перечень гражданско-правовых споров и иных дел, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда. К таким спорам, в частности, относятся дела, рассматриваемые судом в порядке особого производства, в том числе дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение (пункт 1 части 2 статьи 22¹,

статья 262 ГПК РФ, глава 27 АПК РФ); дела о защите прав и законных интересов группы лиц (глава 28² АПК РФ, глава 22³, часть 4 статьи 1 ГПК РФ); споры о созыве общего собрания участников юридического лица (пункт 7 части 1, пункт 1 части 2 статьи 225¹ АПК РФ, пункт 8 части 1 статьи 22, части 1, 3 статьи 22¹, часть 4 статьи 1 ГПК РФ); споры, связанные с исключением участников юридического лица из данного юридического лица (пункт 5 части 2 статьи 225¹ АПК РФ, пункт 8 части 1 статьи 22, части 1, 3 статьи 22¹, часть 4 статьи 1 ГПК РФ).

Дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, не допустимо разрешать в порядке третейского разбирательства, если иное не установлено федеральным законом или международным договором Российской Федерации. В частности, не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда споры по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; по делам, связанным с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, например в сфере эмиссии ценных бумаг (часть 1, пункт 2 части 2 статьи 225¹ АПК РФ, пункт 8 части 1 статьи 22, часть 1 статьи 22¹, часть 4 статьи 1 ГПК РФ); по делам, возникающим из налоговых, таможенных, бюджетных правоотношений.

Федеральным законом должны быть прямо установлены иные споры, не подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда (часть 2 статьи 22¹ ГПК РФ, часть 2 статьи 33 АПК РФ). Например, согласно пункту 22 статьи 4¹ Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг” не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда споры по договорам, заключенным форекс-дилерами с физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями.

Споры, возникающие из отношений, регулируемых Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, не могут быть переданы в третейский суд до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок определения постоянно действующего арбитражного учреждения, которое вправе администрировать споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (пункт 8 статьи 13 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 409-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с

принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”).

Кроме того, федеральным законом могут быть установлены исключения из перечня споров, которые не подлежат рассмотрению третейским судом по правилам части 2 статьи 22¹ ГПК РФ, части 2 статьи 33 АПК РФ.

Например, согласно статье 36² Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” споры, возникающие в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры, передаются сторонами таких споров в арбитраж (третейское разбирательство), администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, рассматривающим споры в профессиональном спорте и спорте высших достижений, в соответствии с законодательством Российской Федерации об арбитраже (третейском разбирательстве) и с особенностями, установленными указанным Федеральным законом и другими федеральными законами.

18. Арбитражное соглашение является соглашением сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет (пункт 1 статьи II Конвенции 1958 года, часть 1 статьи 7 Закона об арбитраже, пункт 1 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже).

19. Исходя из положений части 1 статьи 7 Закона об арбитраже, пункта 1 части 7 Закона о международном коммерческом арбитраже, части 3 статьи 3 ГПК РФ, части 6 статьи 4 АПК РФ арбитражное соглашение может предусматривать передачу на рассмотрение третейского суда как уже возникших между сторонами, так и будущих споров, если иное не установлено федеральным законом.

Например, арбитражная оговорка, включенная до возникновения оснований для предъявления иска в договор потребительского кредита (займа), является недействительной в силу запрета, установленного частью 4 статьи 13 Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ “О потребительском кредите (займе)”.

20. В силу части 1 статьи 16 Закона об арбитраже, пункта 1 статьи 16 Закона о международном коммерческом арбитраже арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, признается соглашением, не зависящим от других условий договора, то есть носит автономный характер. Признание договора недействительным или признание его незаключенным сами по себе не влекут недействительности арбитражного соглашения.

Основания недействительности, с которыми нормы применимого права связывают недействительность арбитражного соглашения (например, пороки воли при заключении третейского соглашения), относятся непосредственно к тако-

му соглашению, оцениваются судом отдельно от пороков основного договора и только в определенных случаях могут совпадать с основаниями недействительности основного договора (например, при выявлении фальсификации договора и отсутствии его последующего одобрения).

21. Если стороны не договорились об ином, арбитражное соглашение распространяется на любые сделки, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного в арбитражном соглашении договора, а также на любые споры, связанные с его заключением, вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным. Если иное не следует из формулировок арбитражного соглашения, его действие распространяется на требования из причинения внедоговорного вреда, требования из неосновательного обогащения и иные требования, если такие требования связаны с договором, в отношении которого заключено арбитражное соглашение (части 9, 11 статьи 7 Закона об арбитраже, пункты 10, 12 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже).

По общему правилу, арбитражное соглашение сохраняет силу при расторжении основного договора, за исключением случаев, когда волеизъявление сторон было прямо направлено на расторжение не только основного договора, но и содержащейся в нем арбитражной оговорки.

22. Арбитражное соглашение может быть включено в договор в виде арбитражной оговорки или заключено в виде отдельного соглашения (часть 1 статьи 7 Закона об арбитраже, пункт 1 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Требование о письменной форме арбитражного соглашения будет соблюдено в том числе в случае, если оно заключено путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны (части 2 и 3 статьи 7 Закона об арбитраже, пункты 2 и 3 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже).

С учетом положений частей 2 и 3 статьи 7 Закона об арбитраже и пунктов 2—4 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме в виде электронного сообщения, если содержащаяся в нем информация является доступной для последующего использования и если арбитражное соглашение заключено в соответствии с требованиями закона, предусмотренными для договора, заключаемого путем обмена документами посредством электронной связи.

Арбитражное соглашение может заключаться путем обмена процессуальными документами (в том числе искомым заявлением и отзывом на исковое заявление), в которых одна из сторон заявляет о наличии соглашения, а другая против

этого не возражает (часть 4 статьи 7 Закона об арбитраже, пункт 5 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже). Если иное не следует из текста таких процессуальных документов, данное соглашение распространяется только на тот спор, в ходе арбитража по которому оно заключено. Последующие споры с участием тех же сторон не охватываются действием такого арбитражного соглашения.

При применении части 6 статьи 7 Закона об арбитраже, пункта 7 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже следует учитывать, что арбитражная оговорка может быть заключена путем отсылки, в частности, к стандартным условиям (например, правилам организованных торгов, клиринга), типовому договору.

Ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, представляет собой арбитражное соглашение, заключенное в письменной форме, при условии, что указанная ссылка позволяет считать такую оговорку частью договора (часть 5 статьи 7 Закона об арбитраже, пункт 6 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже), то есть суд устанавливает наличие воли сторон на распространение условий этого документа на отношения, возникшие из договора. В частности, ссылка в договоре на то, что все возникающие споры будут разрешаться в порядке, предусмотренном другим документом, в текст которого включена арбитражная оговорка (например, определенным типовым договором), делает соответствующую оговорку частью договора сторон.

23. Арбитражное соглашение может быть заключено путем присоединения к рекомендуемой арбитражной оговорке, содержащейся в уставе организации, правилах разрешения споров какой-либо организации, иных правилах организации, биржи, ассоциации и т.п., при условии, что эти акты распространяются на стороны, заключившие арбитражное соглашение.

При применении части 7 статьи 7 Закона об арбитраже, пункта 8 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже следует иметь в виду, что в силу правопреемства включенная в устав юридического лица арбитражная оговорка, если из устава не следует иное, связывает не только само юридическое лицо и его участников, голосовавших за включение арбитражной оговорки, но и любых новых участников юридического лица, которые приобрели акции или доли в его уставном капитале или стали его членами уже после включения арбитражной оговорки в устав (часть 10 статьи 7 Закона об арбитраже, пункт 11 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Такая арбитражная оговорка также является действительной в отношении корпоративного спора с участием контрагентов юридического лица (третьих лиц), например, по искам, направленным на реализацию права, закрепленного в абзаце шестом пункта 1 статьи 65² ГК РФ (пункт 3 части 1 статьи 225¹ АПК РФ, пункт 8 части 1 статьи 22, часть 4 статьи 1 ГПК РФ), в том

случае, если такие третьи лица также являются сторонами арбитражного соглашения.

При этом доказательством наличия согласия такого третьего лица на обязательность для него арбитражного соглашения, содержащегося в уставе юридического лица, может служить как заключенное между юридическим лицом и третьим лицом самостоятельное арбитражное соглашение, так и направленное в адрес юридического лица заявление о присоединении к арбитражной оговорке, которая содержится в уставе юридического лица.

24. Допускается заключение альтернативных соглашений о разрешении споров, предусматривающих право истца выбрать по своему усмотрению применимую процедуру разрешения спора. Альтернативное соглашение о порядке разрешения споров может предоставлять истцу выбор между арбитражем и судом; двумя и более арбитражными учреждениями; между арбитражем, администрируемым арбитражным учреждением, и арбитражем, созданным для разрешения конкретного спора, и т.д. Альтернативное соглашение о порядке разрешения споров также может предусматривать право одной стороны предъявить иск в один поименованный в соглашении арбитраж или суд, а второй стороны — в другой арбитраж или суд.

Соглашение о разрешении споров, закрепляющее такое право выбора только за одной стороной договора (диспаратетное соглашение), является недействительным в части лишения другой стороны возможности выбора тех же способов разрешения спора. В этом случае каждая из сторон договора обладает правом воспользоваться любым способом разрешения спора из тех, которые предусмотрены в заключенном сторонами альтернативном соглашении.

25. В силу части 10 статьи 7 Закона об арбитраже и пункта 11 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже арбитражное соглашение, заключенное правопреемником, распространяет свое действие на всех его правопреемников в случае как универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица), так и сингулярного правопреемства (любые формы перемены лиц в обязательстве).

26. Основанием компетенции третейского суда является действительное и исполнимое арбитражное соглашение, не утратившее силу.

Применение положений части 8 статьи 7 Закона об арбитраже, пункта 9 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже предполагает, что любые сомнения должны толковаться в пользу действительности и исполнимости арбитражного соглашения.

Сторона арбитражного соглашения, оспаривающая его действительность и исполнимость, обязана доказать то, что любое толкование приводит к его недействительности и (или) неисполнимости.

27. По смыслу подпункта “а” пункта 1 статьи V Конвенции 1958 года вопросы заключенности, действительности, исполнимости и толкова-

ния арбитражного соглашения регулируются правом, применимым к арбитражному соглашению. Стороны вправе самостоятельно выбрать право, применимое к арбитражному соглашению. В силу принципа автономности арбитражного соглашения право, применимое к арбитражному соглашению, может отличаться от права, применимого к основному договору, и права, применимого к процедуре арбитража. При отсутствии выбора сторонами права, применимого к арбитражному соглашению, оно подчинено праву страны, в котором вынесено или должно быть вынесено арбитражное решение в соответствии с арбитражным соглашением.

28. В силу части 12 статьи 7 Закона об арбитраже и пункта 13 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже правила арбитража, на которые содержится ссылка в арбитражном соглашении, рассматриваются в качестве неотъемлемой части арбитражного соглашения. При наличии противоречий между положениями выбранных правил арбитража и иных условий арбитражного соглашения судам следует исходить из приоритета специально согласованных сторонами условий арбитражного соглашения, за исключением случаев, когда соответствующие положения выбранных правил арбитража не могут быть изменены соглашением сторон.

29. Под недействительным арбитражным соглашением понимается соглашение, заключенное при наличии порока воли (обман, угроза, насилие), с несоблюдением формы или противоречащее иным императивным требованиям применимого права.

30. Под неисполнимым арбитражным соглашением понимается такое соглашение, из содержания которого не может быть установлена воля сторон в отношении выбранной ими процедуры арбитража (например, невозможно установить, осуществлен ли выбор определенного институционального арбитража или арбитража *ad hoc*) или которое не может быть исполнено в соответствии с волей сторон (например, согласованное арбитражное учреждение не вправе осуществлять администрирование арбитража в соответствии с требованиями применимого права).

О неисполнимости арбитражной оговорки может свидетельствовать, в частности, указание на несуществующее арбитражное учреждение.

С учетом положений части 8 статьи 7 Закона об арбитраже, пункта 9 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже при толковании арбитражного соглашения, которое содержит неточное наименование арбитражного учреждения или применимых правил арбитража, следует исходить из того, возможно ли установить арбитражное учреждение или правила арбитража, на использование которых было направлено волеизъявление сторон. Арбитражное соглашение может быть признано неисполнимым только в том случае, когда установление действительной воли сторон невозможно, например, если существуют два и более арбитражных института, наименования которых сходны с наименованием, указанным сторонами, при условии, что такой

недостаток арбитражного соглашения не может быть устранен с помощью механизмов, установленных в статье IV Конвенции о внешнеторговом арбитраже.

Арбитражное соглашение, которое соответствует арбитражному соглашению, рекомендованному арбитражным учреждением, согласованным сторонами, является исполнимым.

При наличии сомнений в действительности и исполнимости арбитражного соглашения следует оценивать не только текст арбитражного соглашения, но и иные доказательства, позволяющие установить действительную волю сторон (в том числе предшествующие арбитражному соглашению переговоры и переписку, последующее поведение сторон).

31. В случае, если сторона арбитража в соответствии с частью 2 статьи 16 Закона об арбитраже, пунктом 2 статьи 16 Закона о международном коммерческом арбитраже не позднее представления ею первого заявления по существу спора представила возражения против компетенции третейского суда, дальнейшее ее участие в третейском разбирательстве само по себе не является признанием компетенции третейского суда. Предъявление ответчиком встречного иска также не может считаться признанием им компетенции третейского суда при наличии в отзыве на иск или ином первом заявлении ответчика по существу спора возражений против компетенции третейского суда.

32. Если в ходе арбитража не соблюдаются условия арбитражного соглашения, положения применимых правил арбитража либо диспозитивная норма Закона об арбитраже или Закона о международном коммерческом арбитраже, и при этом сторона, которой известно или должно быть известно о таком нарушении, продолжает участвовать в арбитраже, не заявляя возражений против такого нарушения без неоправданной задержки, а если для этой цели предусмотрен какой-либо срок, в течение такого срока, она считается отказавшейся от своего права на возражение (статья 4 Закона об арбитраже и статья 4 Закона о международном коммерческом арбитраже). Такая сторона утрачивает право заявлять указанные возражения в дальнейшем как на более поздней стадии арбитражного разбирательства, так и при рассмотрении заявления об отмене или принудительном исполнении арбитражного решения, поскольку, не заявив возражений и продолжив участвовать в арбитраже, сторона своими действиями выражает согласие с процедурой арбитража.

В случае если сторона арбитража полагает, что третейский суд превышает пределы своей компетенции, такая сторона должна заявить возражения об этом сразу, как только вопрос, выходящий за пределы компетенции, будет поставлен в ходе арбитража (часть 2 статьи 16 Закона об арбитраже, пункт 2 статьи 16 Закона о международном коммерческом арбитраже). При этом сторона считается утратившей право на возражение относительно компетенции по спорному вопросу, если представляет позицию по его существу без

указания на отсутствие компетенции. Сторона считается утратившей право на такое возражение, в том числе в рамках производства об оспаривании и о принудительном исполнении решения третейского суда.

33. В случае если третейским судом вынесено отдельное постановление предварительного характера о наличии у него компетенции, любая из сторон арбитража может обратиться в суд с заявлением о его отмене в порядке, установленном статьей 422¹ ГПК РФ, статьей 235 АПК РФ.

Предъявление в суд указанного заявления само по себе не препятствует третейскому суду продолжать арбитраж и принять арбитражное решение (часть 3 статьи 16 Закона об арбитраже, пункт 3 статьи 16 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Определение суда об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции является основанием для прекращения незавершенного арбитража.

Сторона, не обратившаяся в суд с заявлением об отмене отдельного постановления о наличии у третейского суда компетенции, не лишается права заявлять выдвинутые ранее в ходе третейского разбирательства возражения против компетенции третейского суда в рамках производства об отмене решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Если третейский суд выносит постановление об отсутствии у него компетенции, арбитраж подлежит прекращению. Такое постановление, а также акты третейского суда, связанные с прекращением арбитража по указанному основанию, не подлежат оспариванию в суде. Суд отказывает в принятии заявления об оспаривании указанных актов третейского суда применительно к пункту 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, пункту 1 части 1 статьи 127¹ АПК РФ, а если производство по делу возбуждено — прекращает производство по делу в порядке, установленном абзацем вторым статьи 220 ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 150 АПК РФ. Заинтересованное лицо в таком случае вправе обратиться с иском в суд о защите своих нарушенных прав по общим правилам о подсудности спора.

В случае если стороны третейского разбирательства своим прямым соглашением исключили возможность оспаривания постановления третейского суда о наличии у него компетенции (часть 3 статьи 16 Закона об арбитраже) в порядке, предусмотренном статьей 422¹ ГПК РФ, статьей 235 АПК РФ, такое заявление не подлежит рассмотрению судом (пункт 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, пункт 1 части 1 статьи 127¹ АПК РФ), а возбужденное производство по делу должно быть прекращено (абзац второй статьи 220 ГПК РФ, пункт 1 части 1 статьи 150 АПК РФ).

4. Выполнение судами функций содействия в отношении третейского суда

34. Суд осуществляет функции по назначению арбитра (арбитров) в случаях, предусмотренных

положениями частей 3 и 4 статьи 11 Закона об арбитраже, пунктов 3 и 4 статьи 11 Закона о международном коммерческом арбитраже, если были соблюдены все предусмотренные законом или соглашением сторон процедуры, но это не привело к необходимому результату, и третейский суд не может быть сформирован без участия суда.

Применительно к пункту 1 части 3 статьи 11 Закона об арбитраже, подпункту 1 пункта 3 статьи 11 Закона о международном коммерческом арбитраже при арбитраже с несколькими арбитрами суд вправе назначить любого из арбитров, в том числе председателя третейского суда. Если в соответствии с заявлением стороны суд назначил одного из арбитров, то назначение (или избрание) председателя третейского суда должно производиться в соответствии с процедурой, предусмотренной соглашением сторон. Если председатель третейского суда в этом случае не может быть назначен (избран) в соответствии с процедурой, предусмотренной соглашением сторон, то в отношении его назначения одна из сторон может подать отдельное заявление в суд.

При назначении арбитра суд учитывает требования, предусмотренные законом и соглашением сторон, в том числе соображения, которые могут обеспечить назначение независимого и беспристрастного арбитра (часть 5 статьи 11 Закона об арбитраже и пункт 6 статьи 11 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Для целей подбора кандидатов в арбитры суд может использовать рекомендованные списки арбитров, которые ведут постоянно действующие арбитражные учреждения.

Суд не осуществляет функции по назначению арбитра, если между сторонами арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, достигнуто прямое соглашение об исключении возможности назначения арбитра судом, а также если соглашение сторон (в том числе применимые правила арбитража) предусматривает иные способы назначения арбитра (например, назначение арбитра постоянно действующим арбитражным учреждением) и стороной не представлены доказательства, что такой способ не может обеспечить назначение арбитра в соответствии с согласованной процедурой назначения (часть 4 статьи 11 Закона об арбитраже, пункт 5 статьи 11 Закона о международном коммерческом арбитраже).

35. Суд рассматривает отвод, заявленный арбитражной стороной в рамках арбитража внутреннего спора или международного коммерческого арбитража с местом арбитража в Российской Федерации, если заявление стороны об отводе было ранее отклонено в соответствии с процедурой, предусмотренной соглашением сторон.

Предъявление в суд указанного заявления само по себе не препятствует третейскому суду, включая арбитра, которому заявлен отвод, продолжать арбитраж и принять арбитражное решение (часть 3 статьи 13 Закона об арбитраже и пункт 3 статьи 13 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Исходя из положений части 3 статьи 13 Закона об арбитраже, пункта 3 статьи 13 Закона о международном коммерческом арбитраже, абзаца второго статьи 220, пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ, суд прекращает производство по заявлению об отводе арбитра, если сторонами арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, заключено прямое соглашение, исключающее разрешение вопроса об отводе арбитра судом.

Если заявление об удовлетворении отвода арбитра не было рассмотрено судом до вынесения решения по существу третейским судом, производство по данному делу подлежит прекращению в связи с окончанием третейского разбирательства (часть 4 статьи 427³ ГПК РФ, часть 4 статьи 240³ АПК РФ). В этом случае сторона арбитража, подавшая такое заявление, не лишена права ссылаться на обстоятельства, являющиеся основанием для указанного заявления, при рассмотрении судом заявления об отмене или о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по тому же спору.

36. Суд принимает обеспечительные меры по заявлению стороны третейского разбирательства по общим правилам, предусмотренным нормами главы 13 ГПК РФ, главы 8 АПК РФ, с учетом особенностей процедуры третейского разбирательства, основанного на арбитражном соглашении.

В частности, помимо оценки обоснованности заявления о необходимости принятия испрашиваемых обеспечительных мер и их соразмерности заявленному в третейский суд требованию, а также возможности обеспечения исполнения решения третейского суда (статья 139, части 1 и 3 статьи 140 ГПК РФ, статья 91 АПК РФ) суд проверяет действительность и исполнимость арбитражного соглашения, допустимость передачи возникшего между сторонами спора на разрешение третейского суда (статья 22¹ ГПК РФ, статья 33 АПК РФ). Наличие постановления или иного акта третейского суда об обеспечительных мерах не препятствует подаче в суд заявления о принятии обеспечительных мер.

Суд рассматривает заявление об обеспечении иска в течение срока и по правилам, установленным статьей 141 ГПК РФ, статьей 93 АПК РФ. По результатам рассмотрения заявления судом выносятся определение о принятии мер по обеспечению иска или об отказе в обеспечении иска (статья 141 ГПК РФ, часть 5 статьи 93 АПК РФ).

Обеспечительные меры могут быть приняты судом в отношении третейского разбирательства с местом арбитража как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Исходя из положений главы 13, раздела VI ГПК РФ, глав 8, 30 АПК РФ, статьи 17 Закона об арбитраже, статьи 17 Закона о международном коммерческом арбитраже постановления, иные акты третейского суда о принятии обеспечительных мер подлежат выполнению сторонами, но не могут быть принудительно исполнены в порядке, установленном для исполнения решений третейских судов, поэтому выдача исполнительного

листа на принудительное исполнение актов третейских судов об обеспечительных мерах не производится.

37. На основании положений статьи 63¹ ГПК РФ, статьи 74¹ АПК РФ, статьи 30 Закона об арбитраже, статьи 27 Закона о международном коммерческом арбитраже право обращения в суд с запросом о содействии в получении доказательств предоставлено третейскому суду и стороне спора, которой третейским судом может быть выдан запрос для непосредственного направления в суд.

С запросом о содействии в получении доказательств в соответствии с частью 1 статьи 63¹ ГПК РФ, частью 1 статьи 74¹ АПК РФ вправе обратиться третейский суд с местом арбитража на территории Российской Федерации, образованный в рамках третейского разбирательства, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, в том числе иностранным арбитражным учреждением, получившим в соответствии со статьей 44 Закона об арбитраже право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения.

Согласно части 3 статьи 63¹ ГПК РФ, части 3 статьи 74¹ АПК РФ запрос третейского суда может быть направлен для получения письменных доказательств, вещественных доказательств, иных документов и материалов, предусмотренных статьями 71, 73 и 77 ГПК РФ, статьями 75, 76 и 89 АПК РФ.

38. Суд рассматривает и исполняет запрос о содействии в получении доказательств в порядке, предусмотренном частью 6 статьи 63¹ ГПК РФ, частями 4 и 5 статьи 74¹ АПК РФ.

До исполнения запроса суд проверяет возможность передачи спора в третейский суд (часть 2 статьи 22¹, пункт 3 части 4 статьи 63¹ ГПК РФ, статья 33, пункт 3 части 4 статьи 74¹ АПК РФ).

Содействие третейскому суду в получении доказательств осуществляется судом в пределах запроса третейского суда, в том числе в случае, когда он выдан стороне третейского разбирательства.

Для целей исполнения запроса о содействии в получении доказательств суд может истребовать доказательства в порядке, предусмотренном статьей 57 ГПК РФ, частями 4, 6 статьи 66 АПК РФ.

При этом оценку истребуемых доказательств по правилам статьи 67 ГПК РФ, статьи 71 АПК РФ суд не осуществляет.

39. Суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств в случаях, предусмотренных частью 4 статьи 63¹ ГПК РФ, частью 4 статьи 74¹ АПК РФ.

По смыслу части 1 статьи 63¹ ГПК РФ, части 1 статьи 74¹ АПК РФ суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств также в случае направления запроса третейским судом для разрешения конкретного спора (ad hoc) либо третейским судом с местом арбитража за пределами Российской Федерации.

40. В соответствии с частями 5 и 7 статьи 63¹ ГПК РФ, частями 5 и 7 статьи 74¹ АПК РФ по ре-

зультатам рассмотрения запроса о содействии в получении доказательств суд выносит определение об отказе в исполнении запроса либо определение об исполнении запроса.

Определение об отказе в исполнении запроса направляется в третейский суд, направивший запрос (часть 5 статьи 63¹ ГПК РФ, часть 5 статьи 74¹ АПК РФ).

Определение об исполнении запроса со всеми материалами, собранными при исполнении запроса, в трехдневный срок пересылается в третейский суд, направивший запрос, либо передается стороне третейского разбирательства, если в запросе прямо оговорена возможность получения ею истребуемых доказательств (часть 7 статьи 63¹ ГПК РФ, часть 7 статьи 74¹ АПК РФ).

41. С учетом положений статьи 72, части 3 статьи 90 АПК РФ и части 4 статьи 1, статей 64—66 ГПК РФ не исключается возможность рассмотрения судом вопроса об обеспечении доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства.

5. Оспаривание и принудительное исполнение арбитражных решений

42. Решения третейских судов с местом арбитража на территории Российской Федерации могут быть оспорены путем подачи заявления об отмене в суд (часть 1 статьи 418 ГПК РФ, часть 1 статьи 230 АПК РФ). Оспаривание арбитражных решений, если место арбитража находилось за пределами Российской Федерации, в судах Российской Федерации не допускается, в связи с этим суд отказывает в принятии такого заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, пункта 1 части 1 статьи 127¹ АПК РФ, производство, начатое по таким заявлениям, подлежит прекращению применительно к абзацу второму статьи 220 ГПК РФ, пункту 1 части 1 статьи 150 АПК РФ.

Признание и приведение в исполнение решения третейского суда, иностранного арбитражного решения осуществляются по правилам глав 45, 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 АПК РФ, главы 31 АПК РФ, главы 8 Закона об арбитраже, раздела VIII Закона о международном коммерческом арбитраже.

43. В арбитражном соглашении, предусматривающем администрирование арбитража постоянно действующим арбитражным учреждением, стороны своим прямым соглашением могут предусмотреть, что арбитражное решение является для сторон окончательным (статья 40 Закона об арбитраже, пункт 1 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Условие об окончательности решения третейского суда может содержаться только в прямом соглашении сторон и не может считаться согласованным, если оно содержится в правилах постоянно действующего арбитражного учреждения, даже если стороны при заключении арбитражного соглашения договорились о том, что такие правила являются неотъемлемой частью арбитражного соглашения (пункт 13 статьи 2,

часть 12 статьи 7, статья 40 Закона об арбитраже, пункт 13 статьи 7, пункт 1 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Соглашение об окончательности решения третейского суда распространяется только на стороны третейского разбирательства. Иные лица, в отношении прав и обязанностей которых вынесено решение третейского суда, а также в определенных законом случаях прокурор (часть 1 статьи 418 ГПК РФ, части 2, 3, 5 статьи 230 АПК РФ) вправе оспаривать в суде такое решение путем подачи заявления о его отмене.

Сторона третейского разбирательства не лишена права воспользоваться средствами судебного контроля в отношении третейского суда в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

44. В силу части 6 статьи 420, части 4 статьи 425 ГПК РФ, части 6 статьи 232, части 4 статьи 238 АПК РФ при рассмотрении заявлений об оспаривании решения третейского суда, о приведении его в исполнение суд не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда по существу и ограничивается установлением факта наличия или отсутствия оснований для отмены решения третейского суда.

45. Основания для отмены решения третейского суда с местом арбитража на территории Российской Федерации установлены положениями статьи 421 ГПК РФ, статьи 233 АПК РФ, пункта 2 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже.

Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение такого решения третейского суда установлены положениями статьи 426 ГПК РФ, статьи 239 АПК РФ, пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже.

Основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений установлены пунктом 5 части 1 статьи 412, частью 1 статьи 416, частями 1 и 3 статьи 417 ГПК РФ, частью 3 статьи 244 АПК РФ, статьей 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, статьей V Конвенции 1958 года.

Исходя из положений статьи 417, части 3 статьи 421, части 3 статьи 426 ГПК РФ, части 3 статьи 233, части 3 статьи 239, статьи 244 АПК РФ, пункта 2 статьи 34, пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, части 1 статьи V Конвенции 1958 года обязанность доказывания обстоятельств, служащих основанием для отмены решения третейского суда или отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, лежит на стороне, подающей заявление об отмене арбитражного решения, либо на стороне, против которой вынесено арбитражное решение.

46. Положения пункта 5 части 1 статьи 412, части 1 статьи 416, статей 417, 421, 426 ГПК РФ, статей 233, 239, части 3 статьи 244 АПК РФ, пункта 2 статьи 34, пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, ста-

ты V Конвенции 1958 года предусматривают основания для отмены арбитражного решения и отказа в принудительном исполнении арбитражного решения.

Суд вправе отменить решение третейского суда с местом арбитража на территории Российской Федерации или отказать в принудительном исполнении решения третейского суда по основаниям, установленным пунктом 1 части 1 статьи 417, пунктами 1—5 части 3 статьи 421, пунктами 1—5 части 3 статьи 426 ГПК РФ, пунктами 1—5 части 3 статьи 233, пунктами 1—5 части 3 статьи 239 АПК РФ, подпунктом 1 пункта 2 статьи 34, подпунктом 1 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, пунктом 1 статьи V Конвенции 1958 года, только в том случае, если сторона, подающая заявление об отмене такого решения, или сторона, против которой вынесено решение, сама ссылается на указанные основания в заявлении. При этом суд по собственной инициативе не проверяет наличие и не применяет предусмотренные данными нормами основания для отмены решения третейского суда или основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Основания для отмены решения третейского суда или отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, установленные пунктом 5 части 1 статьи 412, пунктом 2 части 1 статьи 417, пунктами 1, 2 части 4 статьи 421, пунктами 1, 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пунктами 1, 2 части 4 статьи 233, пунктами 1, 2 части 4 статьи 239 АПК РФ, подпунктом 2 пункта 2 статьи 34, подпунктом 2 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, пунктом 2 статьи V Конвенции 1958 года, применяются судом независимо от наличия заявления о них соответствующей стороны.

При наличии в деле доказательств, свидетельствующих о том, что спор не может быть предметом третейского разбирательства, и (или) о противоречии решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации, суд вправе вынести указанные вопросы на обсуждение лиц, участвующих в деле (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ).

Императивный характер полномочий суда, предусмотренных пунктом 2 части 1 статьи 417, пунктами 1, 2 части 4 статьи 421, пунктами 1, 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пунктами 1, 2 части 4 статьи 233, пунктами 1, 2 части 4 статьи 239 АПК РФ, подпунктом 2 пункта 2 статьи 34, подпунктом 2 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, пунктом 2 статьи V Конвенции 1958 года, не исключает права сторон арбитража, третьих лиц ходатайствовать о проверке арбитражного решения по указанным основаниям, приводить в подтверждение своих доводов соответствующие доказательства.

47. В соответствии с абзацем вторым пункта 1 части 1 статьи 417, пунктом 1 части 3 статьи 421, пунктом 1 части 3 статьи 426 ГПК РФ, пунктом 1 части 3 статьи 233, пунктом 1 части 3 статьи 239

АПК РФ, абзацем вторым подпункта 1 пункта 2 статьи 34, абзацем вторым подпункта 1 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, подпунктом “а” пункта 1 статьи V Конвенции 1958 года и пунктом 2 статьи VI Конвенции о внешнеторговом арбитраже суд может отменить решение третейского суда, международного коммерческого арбитража, принятого на территории Российской Федерации, а также отказать в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что одна из сторон третейского соглашения, на основании которого спор был разрешен третейским судом, не обладала полной дееспособностью.

Применительно к данному основанию у юридического лица суд проверяет наличие правоспособности.

В отношении третейского разбирательства с местом арбитража на территории Российской Федерации вопрос о наличии у лица, подписавшего арбитражное соглашение, необходимой правоспособности и дееспособности определяется его личным законом (статьи 1197, 1202, 1203 ГК РФ).

48. При проверке доводов стороны третейского разбирательства о том, что она не была должным образом уведомлена об избрании (назначении) третейских судей или о времени и месте заседания третейского суда либо по другим уважительным причинам не могла представить в третейский суд свои объяснения (абзац третий пункта 1 части 1 статьи 417, пункт 5 части 3 статьи 421, пункт 3 части 3 статьи 426 ГПК РФ, пункт 5 части 3 статьи 233, пункт 3 части 3 статьи 239 АПК РФ, абзац третий подпункта 1 пункта 2 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже, подпункт “b” пункта 1 статьи V Конвенции 1958 года), необходимо учитывать, что в силу диспозитивности третейского разбирательства стороны вправе установить любой порядок получения письменных сообщений или соблюдать тот порядок, который установлен в правилах постоянного действующего арбитражного учреждения, о применении которого стороны договорились.

Сторона, сообщившая другой стороне, третейскому суду или арбитражному учреждению адрес для направления уведомлений о третейском разбирательстве, несет риск неполучения или несвоевременного получения уведомлений, доставленных по этому адресу (статьи 20, 165¹ ГК РФ).

В связи с этим, если стороны арбитража не согласовали иной порядок, документы и иные материалы считаются полученными в случае, если они были направлены по последнему известному адресу организации, являющейся стороной арбитража, или по месту жительства гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, являющегося стороной арбитража, заказным письмом с уведомлением о вручении или иным способом, предусматривающим фиксацию попытки доставки указанных документов и материалов (статья 3 Закона

об арбитраже, статья 3 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Извещение, направленное стороне арбитража, третейского разбирательства по адресу, указанному этой стороной, но не полученное по зависящим от нее причинам (например, вследствие отсутствия по месту жительства или уклонения от получения почтовой корреспонденции в отделении связи), считается доставленным.

Если сторона арбитражного соглашения после его заключения изменила место своего жительства или адрес, однако не сообщила об указанных обстоятельствах другой стороне арбитражного соглашения, а после начала арбитража — и третейскому суду, она несет риски, связанные с неполучением или несвоевременным получением уведомлений, а уведомление, направленное ей по адресу, указанному при заключении арбитражного соглашения, считается надлежащим.

Уведомление о времени и месте проведения заседания третейского суда по делу считается надлежащим, только если оно было направлено с таким расчетом, чтобы каждая из сторон располагала разумным сроком для подготовки к разбирательству дела и прибытия на заседание.

49. При исследовании доводов стороны третейского разбирательства о несоответствии состава третейского суда или несоответствии процедуры арбитража соглашению сторон или федеральному закону как основаниям для отмены решения третейского суда, отказа в приведении его в исполнение суд с учетом положений статьи 18 Закона об арбитраже, статьи 18 Закона о международном коммерческом арбитраже проверяет в том числе соблюдение принципа независимости и беспристрастности арбитров.

Несоответствие процедуры арбитража соглашению сторон или федеральному закону в качестве основания для отмены решения третейского суда или отказа в приведении его в исполнение может иметь место только в случае, если допущенное нарушение привело к существенному нарушению прав одной из сторон, повлекшему ущемление права на справедливое рассмотрение спора, и она заявляла возражения против такого несоблюдения без неоправданной задержки в соответствии со статьей 4 Закона о международном коммерческом арбитраже.

50. Арбитражные решения, вынесенные в рамках арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), с нарушением запрета, предусмотренного частью 20 статьи 44 Закона об арбитраже, считаются принятыми с нарушением процедуры, предусмотренной федеральным законом. Указанные нарушения имеют место, если формально третейский суд образуется для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), однако в действительности он имеет признаки, свойственные институциональному арбитражу (например, объединение арбитров в коллегии или списки, формулирование собственных правил арбитража, выполнение одним и тем же лицом функций по

содействию проведения третейских разбирательств с участием разных арбитров).

51. Суд отменяет решение третейского суда или отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что такое решение или приведение его в исполнение противоречит публично-му порядку Российской Федерации (пункт 5 части 1 статьи 412, пункт 2 части 1 статьи 417, пункт 2 части 4 статьи 421, пункт 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пункт 2 части 4 статьи 233, пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ, абзац третий подпункта 2 пункта 2 статьи 34, абзац третий подпункта 2 пункта 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже, подпункт “b” пункта 2 статьи V Конвенции 1958 года).

Под публичным порядком в целях применения указанных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации.

Для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка суд должен установить совокупное наличие двух признаков: во-первых, нарушение фундаментальных принципов построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации, которое, во-вторых, может иметь последствия в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп либо нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц.

Применение третейским судом норм иностранного права, не имеющих аналогов в российском праве; неучастие ответчика в третейском разбирательстве; незаявление должником возражений против принудительного исполнения третейского решения сами по себе не свидетельствуют о нарушении публичного порядка Российской Федерации.

Противоречие публичному порядку как основание для отмены решения третейского суда, отказа в приведении в исполнение решения третейского суда применяется судом в исключительных случаях, не подменяя специальных оснований для отказа в признании и приведении в исполнение, предусмотренных международными договорами Российской Федерации и нормами ГПК РФ и АПК РФ. Так, нарушение порядка извещения стороны, против которой принято решение, о времени и месте рассмотрения дела, повлекшее невозможность представления ею в суд своих объяснений, является самостоятельным основанием для отмены или отказа в принудительном исполнении такого решения, в связи с этим необходимость использования механизма оговорки о публичном порядке ввиду ее экстраординарного характера отсутствует.

52. Если в рамках рассмотрения заявления об отмене или о выдаче исполнительного листа на

принудительное исполнение решения третейского суда судом будет установлено, что недостаток решения, являющийся основанием для отмены или отказа в принудительном исполнении, касается отдельных положений такого решения, которые могут быть отделены от остального решения, то суд отменяет или отказывает в принудительном исполнении только положений решения третейского суда, содержащих недостатки. При этом часть решения, не содержащая таких недостатков, сохраняет силу и может быть принудительно исполнена судом. Например, может быть отделена часть решения, содержащая выводы по вопросам, выходящим за рамки арбитражного соглашения или нарушающим публичный порядок Российской Федерации (пункт 3 части 3, пункт 2 части 4 статьи 421, пункт 4 части 3, пункт 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пункт 3 части 3, пункт 2 части 4 статьи 233, пункт 4 части 3, пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ).

Так, не может служить основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение части решения третейского суда невозможность его исполнения в отношении одного из солидарных должников (например, в связи с введением процедуры реализации имущества гражданина в рамках банкротства), если сторона, обращающаяся в суд, настаивает на выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение в отношении остальных солидарных должников и отсутствуют иные основания для отказа в выдаче исполнительного листа (часть 4 статьи 1, пункт 3 части 3 статьи 426 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, пункт 3 части 3 статьи 239 АПК РФ).

53. По смыслу статьи 423 ГПК РФ, статьи 236 АПК РФ, статей 38, 41 Закона об арбитраже судом разрешается вопрос о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, не исполненного должником добровольно.

Частичное исполнение стороной арбитражного решения влечет отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение той части решения, которая исполнена добровольно (часть 4 статьи 1, пункт 4 части 3 статьи 426 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, пункт 4 части 3 статьи 239 АПК РФ).

54. В случае, если лицо, участвующее в деле, заявляет доводы, которые могут быть проверены только при наличии материалов третейского дела (например, об отсутствии должного уведомления о назначении третейского судьи или о третейском разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда), с учетом положений части 2 статьи 420, части 2 статьи 425 ГПК РФ, части 2 статьи 232, части 2 статьи 238 АПК РФ суду следует поставить на обсуждение сторон вопрос об истребовании данных материалов. Истребование материалов третейского дела производится по правилам, установленным частью 2 статьи 57 ГПК РФ, частями 6, 7 статьи 66 АПК РФ.

55. При рассмотрении дела об отмене решения третейского суда или о принудительном исполнении решения третейского суда любая из

сторон вправе ходатайствовать о приостановлении производства по делу на срок, не превышающий трех месяцев для того, чтобы третейский суд возобновил третейское разбирательство и устранил основания для отмены решения третейского суда. Если суд придет к выводу о том, что допущенные третейским судом нарушения не могут быть устранены путем возобновления третейского разбирательства, в удовлетворении ходатайства стороны о приостановлении производства должно быть отказано (часть 5 статьи 420, часть 8 статьи 425 ГПК РФ и часть 5 статьи 232, часть 8 статьи 238 АПК РФ, часть 6 статьи 37 Закона об арбитраже, пункт 4 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже).

Если в ходе рассмотрения дела о принудительном исполнении решения третейского суда судом будут выявлены допущенные третейским судом очевидные ошибки в подсчетах, описки или опечатки, применительно к положениям части 8 статьи 425 ГПК РФ, части 8 статьи 238 АПК РФ суд вправе поставить на обсуждение сторон вопрос о приостановлении производства по делу для предоставления возможности третейскому суду устранить допущенные нарушения.

56. Решение третейского суда, вынесенное по спору о правах на недвижимое имущество, в том числе не требующее принудительного приведения в исполнение, само по себе не является основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав (часть 2 статьи 14 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”, статья 43 Закона об арбитраже).

Для целей осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на основании такого решения третейского суда требуется соблюдение процедуры, установленной главой 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 АПК РФ. В связи с этим по указанной категории споров судам следует принимать к рассмотрению заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, даже если соответствующее решение по своей природе не требует принудительного приведения в исполнение (например, решения третейских судов о признании за истцом права собственности или иных прав на объекты недвижимого имущества, находящиеся на территории Российской Федерации).

57. Вопросы процессуального правопреемства после принятия третейским судом решения, в том числе на стадии исполнительного производства по исполнению исполнительного листа, выданного на основании определения о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (пункт 1 части 2 статьи 52 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”) (далее — Закон об исполнительном производстве), подлежат рассмотрению судом в порядке, предусмотренном статьей 44 ГПК РФ, статьей 48 АПК РФ.

58. При рассмотрении дела о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда стороны вправе заключить мировое соглашение, которое может быть утверждено судом при условии соблюдения требований, предусмотренных частью 2 статьи 39, частью 2 статьи 153⁸ ГПК РФ, частью 3 статьи 139, частью 6 статьи 141 АПК РФ. Применительно к рассматриваемой категории дел суд проверяет условия мирового соглашения на предмет соответствия закону и соблюдения прав третьих лиц.

59. Если по результатам рассмотрения суд выносит определение о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, в определении должно содержаться указание именно на выдачу исполнительного листа, а не на совершение каких-либо действий, например взыскание с ответчика присужденных денежных средств (пункт 5 части 2 статьи 427 ГПК РФ, пункт 5 части 2 статьи 240 АПК РФ). В исполнительном листе, выдаваемом судом на основании указанного определения, исходя из смысла положений главы 47 ГПК РФ и § 2 главы 30 АПК РФ, подпункта 6 пункта 5 части 1 статьи 13 Закона об исполнительном производстве, должна указываться резолютивная часть решения третейского суда, подлежащая исполнению, а не определения о выдаче исполнительного листа.

60. Если иное прямо не предусмотрено законом, определения суда, принятые по делу об оспаривании решения третейского суда или о приведении в исполнение решения третейского суда, а также иные определения суда, принятые в рамках осуществления функций контроля в отношении третейских судов по правилам глав 45, 47, 47¹ ГПК РФ, 30 и 31 АПК РФ (в частности, определения по делу о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, о возвращении заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, о наложении штрафа за неуважение к суду, о приостановлении производства по делу), не подлежат обжалованию в апелляционном порядке, но могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции (часть 5 статьи 422, часть 5 статьи 427 ГПК РФ, часть 5 статьи 234, часть 5 статьи 240, часть 3 статьи 245 АПК РФ).

61. При наличии оснований, установленных частью 1 статьи 203 ГПК РФ, частью 1 статьи 324 АПК РФ, суд, удовлетворивший требование о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, впра-

ве по заявлению стороны третейского разбирательства (должника или взыскателя), а также судебного пристава-исполнителя отсрочить или рассрочить исполнение решения третейского суда, изменить способ и порядок его исполнения, в том числе путем утверждения мирового соглашения (часть 1 статьи 50 Закона об исполнительном производстве, часть 1 статьи 153⁸ ГПК РФ, часть 1 статьи 139 АПК РФ). Если соответствующий вопрос ранее рассматривался третейским судом (например, сторона ходатайствовала об установлении третейским судом дополнительного срока для добровольного исполнения третейского решения), суд при рассмотрении соответствующего заявления учитывает выводы третейского суда.

62. Заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, а равно заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может быть подано в срок, не превышающий трех лет со дня его принятия или со дня окончания установленного таким решением срока для его добровольного исполнения (часть 4 статьи 1, часть 3 статьи 409 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, часть 2 статьи 246 АПК РФ, статья 38, часть 1 статьи 41 Закона об арбитраже).

63. Правила, установленные главой 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 АПК РФ, применяются также при рассмотрении судами заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение постановлений третейских судов, на основании которых произведены взыскание и распределение издержек, взыскание арбитражного (третейского) сбора.

64. Отмена решения третейского суда или отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не препятствуют сторонам третейского разбирательства повторно обратиться в третейский суд, если возможность обращения не утрачена, или в суд по правилам, предусмотренным ГПК РФ и АПК РФ (часть 3 статьи 422, часть 3 статьи 427 ГПК РФ, часть 3 статьи 234, часть 3 статьи 240 АПК РФ).

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 58 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 24 декабря 2019 г.

О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми

Конституцией Российской Федерации признается и гарантируется право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность (ста-

тья 22), это право относится к основным неотчуждаемым правам, принадлежащим каждому от рождения, имеющим непосредственное действие

и определяющим смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, и обеспечивается правосудием (часть 2 статьи 17, статья 18).

Право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность закреплено в международных актах, в том числе во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года (статья 3), в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (статья 9), Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (статья 5), и предполагает, что никто не должен быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

В интересах охраны права человека на свободу и личную неприкосновенность в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за общественно опасные деяния, нарушающие данное право.

В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми (статьи 126, 127, 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что общественная опасность преступлений, предусмотренных статьями 126, 127, 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), заключается в незаконном ограничении человека в его физической свободе, в том числе в свободе передвижения и выбора места своего нахождения.

2. По смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания.

Похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. В случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось.

3. Судам следует иметь в виду, что в отличие от похищения человека при незаконном лишении свободы, предусмотренном статьей 127 УК РФ, потерпевший остается в месте его нахождения, но ограничивается в передвижении без законных на то оснований (например, виновное лицо закрывает потерпевшего в доме, квартире или ином помещении, где он находится, связывает его или иным образом лишает возможности покинуть какое-либо место).

Деяние, предусмотренное статьей 127 УК РФ, представляет собой оконченное преступление с момента фактического лишения человека свободы независимо от длительности пребывания потерпевшего в таком состоянии.

4. В случае, когда виновное лицо, первоначально незаконно лишившее человека свободы, в дальнейшем переместило потерпевшего в другое место, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 126 УК РФ без дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ.

Действия виновного лица, совершенные в процессе похищения человека и состоящие в незаконном ограничении свободы потерпевшего при его перемещении и (или) удержании в другом месте, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного статьей 126 УК РФ, и дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ не требуют.

5. При правовой оценке деяния судам необходимо исходить из того, что применение насилия, не опасного для жизни или здоровья человека, охватывается частью 1 статьи 126 УК РФ или частью 1 статьи 127 УК РФ.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении похищения человека охватывается пунктом «в» части 2 статьи 126 УК РФ, тогда как высказывание или иное выражение такой угрозы при незаконном лишении свободы следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 127 УК РФ и статьей 119 УК РФ.

6. Судам следует иметь в виду, что при похищении человека и незаконном лишении свободы насилие или угроза его применения могут осуществляться как в отношении похищаемого лица или лица, незаконно лишаемого свободы, так и в отношении иных лиц, в том числе близких родственников, с целью устранения препятствий захвату, перемещению или удержанию потерпевшего.

7. В случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками о похищении человека виновный совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону данного преступления, он несет уголовную ответственность как соисполнитель преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору (пункт «а» части 2 статьи 126 УК РФ).

8. Похищение человека квалифицируется по пункту «з» части 2 статьи 126 УК РФ (из корыстных побуждений), если оно совершено в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его

получение и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.), а равно по найму, обусловленному получением исполнителем преступления материального вознаграждения или освобождением от материальных затрат.

Лица, организовавшие похищение человека, совершенное исполнителем за материальное вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого преступления, подлежат ответственности по соответствующей части статьи 33 и пункту “з” части 2 статьи 126 УК РФ.

9. Если похищение человека сопряжено с одновременным требованием передачи чужого имущества или права на имущество либо совершения других действий имущественного характера, то при наличии оснований действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом “з” части 2 статьи 126 и соответствующей частью статьи 163 УК РФ.

10. В случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 105 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 126 УК РФ не требует.

Если умысел на совершение убийства в отношении похищенного лица возникает у виновного в ходе перемещения или удержания потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 126 и 105 УК РФ.

11. Исходя из примечания к статье 126 УК РФ добровольным следует признавать такое освобождение похищенного человека, при котором виновное лицо осознавало, что у него имелась реальная возможность удерживать потерпевшего, но оно освободило его, в том числе передало родственникам, представителям власти, указало им на место нахождения похищенного лица, откуда его можно освободить.

По смыслу уголовного закона добровольное освобождение похищенного человека не освобождает виновное лицо от уголовной ответственности за иные незаконные действия, в том числе за деяния, совершенные в ходе похищения человека, если они содержат состав самостоятельного преступления (например, умышленного причинения вреда здоровью, незаконного оборота оружия).

12. Торговля людьми может выражаться в совершении одного или нескольких указанных в части 1 статьи 127¹ УК РФ действий — купли-продажи или иной сделки в отношении человека — независимо от целей их осуществления, а равно вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека в целях его эксплуатации.

При этом следует учитывать, что цель эксплуатации человека является обязательным признаком состава преступления только для таких действий, как вербовка, перевозка, передача, ук-

рывательство или получение потерпевшего. Для купли-продажи или совершения иных сделок с человеком цель его эксплуатации обязательным признаком состава преступления не является, хотя и может преследоваться виновным лицом при совершении данных действий.

Осведомленность потерпевшего о характере совершаемых с ним действий и его согласие на их совершение не влияют на квалификацию данных действий как торговли людьми.

13. В статье 127¹ УК РФ под куплей-продажей человека понимается совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека — другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности).

Вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека. Для получения согласия потерпевшего могут быть использованы, например, обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием (в частности, под предлогом предоставления работы или возможности обучения по той или иной профессии).

Под перевозкой понимается перемещение человека любым видом транспорта из одного места в другое, в том числе в пределах одного населенного пункта, для дальнейшей эксплуатации потерпевшего.

Передача человека заключается в предоставлении потерпевшего другому лицу, в том числе для осуществления перевозки, укрывательства, эксплуатации потерпевшего, а получение — в принятии потерпевшего от лица, его передающего, в частности, для перевозки или укрывательства, а равно для его эксплуатации.

Укрывательство человека состоит в сокрытии потерпевшего при совершении действий, относящихся к торговле людьми, от органов власти, родственников, заинтересованных лиц, например, путем сообщения заведомо ложных сведений о личности или месте нахождения потерпевшего.

14. Судам следует определять момент окончания преступления, предусмотренного статьей 127¹ УК РФ, в зависимости от способа его совершения. При осуществлении купли-продажи человека или иных сделок в отношении потерпевшего преступление квалифицируется как оконченное с момента фактической передачи и получения потерпевшего, при вербовке человека — с момента получения согласия потерпевшего на осуществление деятельности, для которой совершалась его вербовка.

При совершении иных действий, образующих торговлю людьми, содеянное квалифицируется как оконченное преступление при передаче или полу-

чении человека либо с момента начала его перевозки или укрывательства с целью эксплуатации.

15. В случаях, когда купле-продаже человека либо совершению с ним иных действий, относящихся к торговле людьми, предшествовало похищение данного лица, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статьи 126 и статьи 127¹ УК РФ. Незаконное лишение человека свободы в целях осуществления в отношении его действий, относящихся к торговле людьми, а равно незаконное ограничение свободы потерпевшего в процессе совершения указанных действий охватываются соответствующей частью статьи 127¹ УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ.

16. По пункту “е” части 2 статьи 127¹ УК РФ надлежит квалифицировать действия, относящиеся к торговле людьми, совершенные с применением насилия, как представляющего, так и не представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего, а равно с угрозой применения такого насилия.

17. В соответствии с пунктом 1 примечаний к статье 127¹ УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью 1 или пунктом “а” части 2 данной статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно освободило потерпевшего (потерпевших) и способствовало раскрытию преступления,

совершенного с его участием, при условии, что в его действиях не содержится иного состава преступления.

При этом добровольное освобождение потерпевшего (потерпевших) не освобождает виновное лицо от уголовной ответственности за иные незаконные действия, в том числе за деяния, совершенные в ходе торговли людьми, если они содержат состав самостоятельного преступления.

18. Рекомендовать судам при рассмотрении уголовных дел о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению данных преступлений, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного расследования или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, и в соответствии с частью 4 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации частными определениями (постановлениями) обращать на них внимание соответствующих организаций и должностных лиц.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 59 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 24 декабря 2019 г.

О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” и от 16 октября 2009 года № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях”:

1) абзац шестой преамбулы изложить в следующей редакции:

“В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об ответственности за взяточничество (статьи 290, 291, 291¹, 291² УК РФ) и иные коррупционные преступления (в частности, предусмотренные статьями 159, 160, 184,

200⁵, 204, 204¹, 204², 292, 304 УК РФ), а также в связи с вопросами, возникшими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения:”;

2) абзацы второй — четвертый пункта 1 изложить в следующей редакции:

“Обратить внимание судов на то, что к иностранным должностным лицам и должностным лицам публичной международной организации в статьях 290, 291, 291¹ и 304 УК РФ относятся лица, признаваемые таковыми в том числе международными договорами Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Под иностранным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного госу-

дарства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия (например, депутат, министр, мэр).

К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, сотрудники организации, являющиеся международными гражданскими служащими, лица, уполномоченные действовать от имени публичной международной организации, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, лица, занимающие судебные должности любого международного суда, юрисдикция которого признана Российской Федерацией.”;

3) пункт 4 изложить в следующей редакции:

“4. Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе, например путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения и др.

При этом получение должностным лицом вознаграждения за использование исключительно личных, не связанных с его должностным положением, отношений не может квалифицироваться по статье 290 УК РФ.”;

4) пункт 9 изложить в следующей редакции:

“9. Предметом взяточничества (статьи 290, 291, 291¹, 291² УК РФ) и коммерческого подкупа (статьи 204, 204¹, 204² УК РФ) наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав.

Под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, исполнение обязательств перед другими лицами).

В тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.

Переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных

сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта.”;

5) пункт 10 изложить в следующей редакции:

“10. Получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на указанный им счет, “электронный кошелек”). При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению.

Как оконченное преступление следует квалифицировать получение и дачу взятки в случае, когда согласно предварительной договоренности взяткодатель помещает ценности в условленное место, к которому у взяткополучателя имеется доступ либо доступ обеспечивается взяткодателем или иным лицом после помещения ценностей. Действия лиц, осуществляющих при аналогичных обстоятельствах передачу и получение предмета коммерческого подкупа, подлежат квалификации по соответствующей части статьи 204 УК РФ также без ссылки на статью 30 УК РФ.”;

6) в пункте 11 исключить слова “, посредничества во взяточничестве”;

7) дополнить пунктом 11¹ следующего содержания:

“11¹. Если взяткодатель намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составило указанного размера, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в несколько приемов, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту “в” части 5 статьи 290 УК РФ.”;

8) пункт 12 изложить в следующей редакции:

“12. Если должностное лицо или лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять взятку или предмет коммерческого подкупа, действия взяткодателя или лица, передающего незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное статьей 291, статьей 291² УК РФ в части дачи взятки, частями 1—4 статьи 204, статьей 204² УК РФ в части передачи предмета коммерческого подкупа.

Содеянное следует также квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки, коммерческий подкуп и в случае, когда условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия

которых были направлены на их передачу или получение.”;

9) пункт 13 изложить в следующей редакции:

“13. Получение или дача взятки, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативного-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление в том числе и в случае, когда ценности были изъяты сотрудниками правоохранительных органов сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.”;

10) дополнить пунктами 13¹—13⁵ следующего содержания:

“13¹. Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по независящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 3—5 статьи 291 УК РФ) или к получению взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2—6 статьи 290 УК РФ), а равно к коммерческому подкупу (часть 1 статьи 30 и соответственно части 3—4 или части 7—8 статьи 204 УК РФ).

13². Посредничеством во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ), а равно посредничеством в коммерческом подкупе (статья 204¹ УК РФ) признается не только непосредственная передача по поручению взяткодателя или взяткополучателя, а также по поручению лица, передающего или получающего предмет коммерческого подкупа, денег и других ценностей, но и иное способствование в достижении или реализации соглашения между этими лицами о получении и даче взятки либо предмета коммерческого подкупа (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними).

Посредничество путем иного способствования в достижении или реализации соглашения следует считать оконченным с момента выполнения посредником одного из этих действий независимо от достижения или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем, а равно между лицом, передающим предмет коммерческого подкупа, и лицом, его получающим.

Если согласно договоренности между взяткополучателем либо лицом, принимающим предмет коммерческого подкупа, и посредником деньги и другие ценности, полученные от взяткодателя либо лица, передающего коммерческий

подкуп, остаются у посредника, то преступление считается оконченным с момента получения ценностей посредником. В иных случаях посредничество в виде непосредственной передачи взятки или предмета коммерческого подкупа квалифицируется как оконченное преступление при условии фактической передачи хотя бы их части лицу, которому они предназначены.

13³. Исходя из диспозиций статей 291¹ и 204¹ УК РФ, согласно которым уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки либо предмета коммерческого подкупа на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК РФ.

13⁴. При отграничении посредничества во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взяткодателям физического либо юридического лица судам следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя. В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество.

13⁵. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве, а равно в коммерческом подкупе считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий, направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя либо лица, передающего и (или) получающего предмет коммерческого подкупа, информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве либо в коммерческом подкупе.

По смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, коммерческом подкупе, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1—4 статьи 291¹ либо частями 1—3 статьи 204¹ УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этих статей как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291¹ либо частью 4 статьи 204¹ УК РФ.

В случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, коммерческом подкупе, заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291¹ либо частью 4 статьи 204¹ УК РФ.”;

11) пункт 14 изложить в следующей редакции:
“14. С учетом того, что нормы об ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп являются специальными по отношению к положениям статей 290, 291, 204 УК РФ, получение или дача взятки, а равно предмета коммерческого подкупа в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, следует квалифицировать по части 1 статьи 291² УК РФ либо части 1 статьи 204² УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также при наличии других квалифицирующих признаков взяточничества и коммерческого подкупа они совершены.

При этом субъект мелкого взяточничества полностью совпадает с субъектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, а субъект мелкого коммерческого подкупа — с субъектом преступления, предусмотренного статьей 204 УК РФ.”;

12) пункт 15 изложить в следующей редакции:
“15. Взятку или предмет коммерческого подкупа надлежит считать полученными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более должностных лица или два и более лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, которые заранее договорились о совместном совершении данного преступления путем принятия незаконного вознаграждения за совершение каждым из них действий (бездействие) по службе в пользу передавшего такое вознаграждение лица или представляемых им лиц.

Преступление признается оконченным с момента принятия взятки либо предмета коммерческого подкупа хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Для квалификации действий указанных лиц как совершенных группой лиц по предварительному сговору не имеет значения, какая сумма получена каждым из членов преступной группы, а также то, сознавал ли взяткодатель, что в получении взятки участвует несколько должностных лиц.

Действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются при наличии к тому оснований как посредничество во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ) или в коммерческом подкупе (статья 204¹ УК РФ).”;

13) в пункте 16:

а) в абзаце первом исключить слово “более”;

б) в абзаце втором слова “пункт “а” части 4 статьи 204 УК РФ” заменить словами “пункт “а” части 7 статьи 204 УК РФ”;

14) в пункте 18:

а) в абзаце первом слова “пункт “б” части 4 статьи 204 УК РФ” заменить словами “пункт “б” части 7 статьи 204 УК РФ”;

б) в абзаце втором слова “по пункту “б” части 4 статьи 204 УК РФ” заменить словами “по пункту “б” части 7 статьи 204 УК РФ”;

15) в пункте 19:

а) в первом предложении слова “по пункту “б” части 4 статьи 204 УК РФ” заменить словами “по пункту “б” части 7 статьи 204 УК РФ”;

б) во втором предложении слова “либо как пособничество в коммерческом подкупе по части 5 статьи 33 и пункту “б” части 4 статьи 204 УК РФ.” заменить словами “либо как посредничество в коммерческом подкупе по соответствующим частям статьи 204¹ УК РФ.”;

16) в пункте 22 слова “частями 3 и 4 статьи 204 УК РФ.” заменить словами “частями 5—8 статьи 204 УК РФ.”;

17) в абзаце первом пункта 23 исключить второе предложение;

18) пункт 24 изложить в следующей редакции:

“24. Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействия), которые входят в его служебные полномочия либо которым оно может способствовать в силу своего должностного положения, а равно за общее покровительство или попустительство по службе следует квалифицировать как получение взятки или коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие).

Если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за способствование таким действиям, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Владелец переданных ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп. При этом такое лицо не может признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение этих ценностей, а также на возмещение вреда в случае их утраты.”;

19) пункт 26 исключить;

20) пункт 27 исключить;

21) в пункте 28:

а) в абзаце первом слова “по статье 291 УК РФ за дачу взятки, а работник, выполнивший его поручение, — при наличии оснований, по статье 291¹ УК РФ за посредничество во взяточничестве.” заменить словами “за дачу взятки по статье 291 либо статье 291² УК РФ в зависимости от ее размера, а работник, выполнивший его поручение, — при наличии оснований, за посредничество во взяточничестве по статье 291¹ УК РФ.”;

б) в абзаце втором слова “по части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ, а работник, выполнивший его поручение, — по части 5 статьи 33 и части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ.” заменить словами “за незаконную передачу лицу предмета коммерческого подкупа по частям 1—4 статьи 204 либо статье 204² УК РФ в зависимости от его размера,

а работник, выполнивший его поручение, — при наличии оснований, за посредничество в коммерческом подкупе по статье 204¹ УК РФ.”;

22) пункт 29 изложить в следующей редакции:

“29. Освобождение от уголовной ответственности за совершение посредничества во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ) или посредничества в коммерческом подкупе (статья 204¹ УК РФ) в силу примечаний к указанным статьям возможно при выполнении двух обязательных условий — добровольного сообщения о совершенном преступлении и активного способствования раскрытию и (или) расследованию преступления.

Для освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки (статьи 291, 291² УК РФ), а равно за передачу предмета коммерческого подкупа (части 1—4 статьи 204, статья 204² УК РФ) требуется установить активное способствование раскрытию и (или) расследованию (пресечению) преступления, а также добровольное сообщение о совершенном преступлении либо вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа.

Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления.

Активное способствование раскрытию и расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяточдателя, взяточполучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.”;

23) абзац третий пункта 30 изложить в следующей редакции:

“Действия лица не образуют состав преступления, предусмотренного частями 1—4 статьи 204, статьей 291 УК РФ, а также статьями 204² и 291² УК РФ в части передачи предмета коммерческого подкупа или взятки, в том случае, если в отношении такого лица заявлены требования о даче взятки или коммерческом подкупе и оно до передачи ценностей добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность. При этом в случае, когда передача имущества, предоставление имущественных прав, оказание услуг имущественного характера производились под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования, деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат возвращению их законному владельцу.”;

24) в пункте 31:

а) в абзаце первом слова “на основании примечаний 2 и 3 к статье 201 УК РФ” заменить словами “в силу требований статьи 23 УПК РФ”;

б) абзац четвертый изложить в следующей редакции:

“Причинение вреда интересам организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования следует расценивать как причинение вреда интересам государства или муниципального образования, и уголовное преследование в таких случаях будет осуществляться в общем порядке.”;

25) пункт 32 изложить в следующей редакции:

“32. Ответственность по статье 304 УК РФ за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд наступает лишь в случае, когда попытка передачи (передача) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лицо, указанное в части 1 статьи 200⁵ УК РФ, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее.

Преступление, предусмотренное статьей 304 УК РФ, является оконченным с момента передачи хотя бы части имущества либо начала оказания услуг имущественного характера.

Поскольку такие действия совершаются без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лица, указанного в части 1 статьи 200⁵ УК РФ, они не подлежат уголовной ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп в связи с отсутствием события преступления (пункт 1 части 1 статьи 24 УПК РФ).”;

26) пункт 33 исключить;

27) в абзаце первом пункта 34 исключить слова “подстрекательские”;

28) в абзаце третьем пункта 35 слова “государственные служащие или служащие органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами.” заменить словами “государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами.”;

29) дополнить пунктом 36³ следующего содержания:

“36³. Результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу о коррупционном преступлении, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на получение или дачу взятки либо предмета коммерческого подкупа, а равно на совершение посреднических действий, который сформировался независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В связи с этим для оценки доказательств, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, суду независимо от признания подсу-

димым своей вины необходимо проверять законность и обоснованность проведения каждого такого оперативно-розыскного мероприятия.”.

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”:

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

“В связи с вопросами, возникающими у судов по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет:”;

2) в пункте 1 слова “Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства.” заменить словами “государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований Российской Федерации и органов, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства.”;

3) в пункте 2 слова “а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.” заменить словами “государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях Российской Федерации и органах.”;

4) в пункте 8 слова “а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации и при этом не занимающее в указанных органах государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъектов Российской Федерации.” заменить словами “государственной компании, государственном и муниципальном унитарном предприятии, акционерном обществе, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях Российской Федерации и органах, не занимающее при этом государственную должность Рос-

сийской Федерации или государственную должность субъектов Российской Федерации.”;

5) в пункте 9 слова “конституциями или уставами субъектов Российской Федерации” заменить словами “конституциями, уставами или законами субъектов Российской Федерации”, а слова “(в редакции от 1 декабря 2008 г.)” — слова “(в редакции от 15 мая 2018 г.)”; перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации утвержден Указом Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 г. № 1381 (в редакции от 5 октября 2015 г.)”;

6) абзац первый пункта 12 после слов “не являющейся государственным или муниципальным предприятием” дополнить словами “либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования”, а слова “(пункт 3 примечаний к статье 201 УК РФ)” исключить;

7) в пункте 20:

а) в абзаце втором слова “(например, в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ “О Федеральной службе безопасности”, Федеральном законе от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ “О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации”, Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ “О государственной охране”, Законе Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 “О милиции”).” заменить словами “(например, в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ “О Федеральной службе безопасности”, Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ “О войсках национальной гвардии Российской Федерации”, Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ “О государственной охране”, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции”).”;

б) абзац третий изложить в следующей редакции:

“К специальным средствам относятся специальные палки, средства ограничения подвижности и сковывания движения, специальные газовые средства, водометы, бронемшины, средства разрушения преград, служебные животные и другие средства, состоящие на вооружении органов внутренних дел, войск национальной гвардии, федеральных органов государственной охраны, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и др.”;

8) в пункте 21 слова “частью 3 статьи 285 УК РФ и пунктом “в” части 3 статьи 286 УК РФ” заменить словами “частью 3 статьи 285, пунктом “б” части 2 статьи 285⁴ и пунктом “в” части 3 статьи 286 УК РФ”;

9) в пункте 23 слова “в результате преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ” заменить словами “в результате преступлений, предусмотренных статьями 285 и 285⁴ УК РФ”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации*

В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,

судья Верховного Суда Российской Федерации

В.В. МОМОТОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Сотруднику органов внутренних дел, нуждающемуся в экстренной медицинской помощи, не может быть отказано в возмещении расходов, затраченных на покупку лекарственных препаратов за счет собственных средств, в случае отказа ему в бесплатном обеспечении ими уполномоченным органом

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 10 декабря 2018 г. № 5-КГ18-203*

(Извлечение)

Н. обратился в суд с иском к МВД России, Минфину России о возмещении расходов на лечение. В обоснование заявленных требований Н. указывал, что проходил службу в органах внутренних дел, был уволен со службы в связи с болезнью на основании заключения военно-врачебной комиссии с выслугой лет в календарном исчислении 20 лет и 5 месяцев, ему установлена II группа инвалидности по заболеванию, полученному в период прохождения военной службы.

До увольнения со службы у истца было обнаружено тяжелое заболевание, однако медицинским учреждением здравоохранения ему было отказано в бесплатном предоставлении лекарственного препарата, поскольку Н. не относился к гражданским лицам, а являлся сотрудником органов внутренних дел.

Истец подал рапорт на имя министра внутренних дел по Чувашской Республике с просьбой рассмотреть вопрос о приобретении лекарственного препарата для дальнейшего лечения. Ввиду того, что требовалось срочное лечение, а рассмотрение вопроса об оплате покупки указанного лекарственного средства заняло длительное время, препарат был приобретен истцом самостоятельно.

При обращении Н. в адрес МВД России с заявлением о возмещении указанных расходов ему было отказано.

Обращаясь в суд с указанным выше иском, Н. ссылался на ст. 1064 ГК РФ и полагал, что отказ МВД России нарушил его права, закрепленные положениями чч. 1 и 2 ст. 45 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции”, чч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ “О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Решением суда первой инстанции от 24 октября 2016 г., оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований Н. отказано.

23 декабря 2016 г. истец умер. В связи с его смертью с апелляционной жалобой на указанное выше решение обратилась вдова истца — Т., предоставив справку, заверенную нотариусом, о том, что она является наследником по закону на имущество Н.

Определением суда первой инстанции была произведена замена в порядке процессуального правопреемства стороны по делу Н. на Т. ввиду вступления ее в наследство в ходе апелляционного обжалования решения суда первой инстанции от 24 октября 2016 г.

Судом было установлено, что ввиду недостаточности финансирования медицинских услуг по заключенным государственным контрактам МВД по Чувашской Республике направило письмо в Департамент по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий МВД России (ФЭД МВД России) о рассмотрении вопроса о выделении дополнительного лимита бюджетных обязательств на 2014 год для лечения Н.

На поступившие целевые денежные средства МВД по Чувашской Республике был заключен государственный контракт с учреждением здравоохранения на проведение лечения с применением лекарственного препарата сотруднику органов внутренних дел Н. Лечение истца соответствующим препаратом было проведено.

После увольнения из органов внутренних дел истцу была назначена пенсия за выслугу лет в соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” (наименование Закона указано в редакции на день назначения истцу пенсии).

Согласно справке федерального казенного учреждения “Главное бюро медико-социальной экспертизы по Чувашской Республике — Чувашии” Минтруда России от 1 октября 2015 г. истцу была повторно установлена II группа инвалидности по заболеванию, полученному в период военной службы.

В октябре 2015 г. супруга истца Т. обратилась в адрес МВД по Чувашской Республике с просьбой о компенсации затрат на приобретение лекарственного средства для лечения Н., однако ей было отказано с указанием на то, что положениями законодательства не предусмотрена гарантия в виде оплаты затрат на приобретение лекарственных средств сотрудникам органов внутренних дел либо гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел. В случае несогласия с принятым решением ей было предложено обратиться за его обжалованием в суд.

После обращения Т. в МВД России с заявлением по вопросу компенсации затрат на лечение Н. письмом Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению Управления медицинского обеспечения МВД России она была проинформирована о том, что возмещение финансовых затрат (за счет МВД России) лицам, самостоятельно оплатившим лечение, действующими нормативными актами не предусмотрено.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из отсутствия у МВД России правовых оснований для возмещения истцу расходов на лечение, поскольку он не проходил службу в центральном аппарате МВД России, МВД России не являлось его работодателем, Н. являлся сотрудником МВД по Чувашской Республике с постоянным местом жительства в Чувашской Республике. При этом суд первой инстанции полагал, что истец был вправе с подобными требованиями обратиться к территориальному органу внутренних дел по Чувашской Республике, а в случае отказа — в суд по месту нахождения данного органа за защитой своих прав.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав, что действующим законодательством не предусмотрено возмещение сотруднику органов внутренних дел расходов, понесенных на приобретение лекарственных препаратов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 10 декабря 2018 г. признала, что выводы судов первой и апелляционной инстанций были сделаны с существенным нарушением норм материального права в связи со следующим.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 Федерального закона “О полиции” (в редакции, действовавшей на момент обращения истца с рапортом об обеспечении его лекарственным средством — 7 мая 2014 г.; далее положения нормативных правовых актов приводятся в редакции, действующей на указанную дату) медицинское обеспечение сотрудника полиции осуществляется в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или в иных медицинских организациях в порядке, установленном Правительством РФ.

Согласно ч. 2 ст. 45 Федерального закона “О полиции” сотрудник полиции имеет право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Отношения, связанные в том числе с медицинским обеспечением сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудник), граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, и членов их семей, регулируются Федеральным законом “О социальных

гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (ч. 1 ст. 1 Закона).

Частью 1 ст. 11 названного Закона предусмотрено, что сотрудник имеет право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты в организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

При отсутствии по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника медицинских организаций федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел либо при отсутствии в них отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования сотрудник имеет право на получение медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном Правительством РФ. Расходы, связанные с оказанием медицинской помощи сотруднику, возмещаются медицинским организациям государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном Правительством РФ, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел (ч. 2 ст. 11 Закона).

Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1232 “О порядке оказания сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, отдельным категориям граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, и членам их семей медицинской помощи и их санаторно-курортного обеспечения” утверждены Правила оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, за исключением медицинских организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, и возмещения расходов указанным организациям (далее — Правила).

Из положений пп. 1—4, 6 Правил, регулирующих медицинское обеспечение сотрудников органов внутренних дел, следует, что:

1) законом предусмотрено право сотрудника на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел;

2) в случае отсутствия возможности оказания сотруднику медицинской помощи в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел сотрудник имеет право на получение медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здра-

вохранения. Механизм реализации этого права предусмотрен Правилами оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, согласно которым медицинская помощь оказывается сотруднику в соответствии с договором, заключенным между территориальным органом МВД России и медицинской организацией;

3) по экстренным медицинским показаниям медицинская помощь сотрудникам оказывается организацией государственной или муниципальной системы здравоохранения и при отсутствии заключенного между территориальным органом МВД России и медицинской организацией договора, включая бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты;

4) расходы, связанные с оказанием медицинской помощи сотруднику, возмещаются медицинским организациям в порядке, установленном Правительством РФ, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Содержание приведенных нормативных положений, определяющих в том числе порядок бесплатного обеспечения лекарственными препаратами сотрудников органов внутренних дел для оказания медицинской помощи по рецептам на лекарственные препараты, судами первой и апелляционной инстанций истолковано неправильно, без учета характера спорных правоотношений, касающихся социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, вследствие чего судебные инстанции пришли к ошибочному выводу об отсутствии правовых оснований для возмещения расходов, понесенных Н. за счет собственных средств на приобретение лекарственного препарата.

Судами первой и апелляционной инстанций не принято во внимание, что необходимость срочного обеспечения истца в мае 2014 г. лекарственным препаратом была обусловлена рекомендацией, содержащейся в заключении врачебной комиссии учреждения здравоохранения. В результате непринятия МВД по Чувашской Республике и МВД России в лице соответствующего подразделения неотложных мер по обеспечению Н. жизненно необходимым ему лекарственным препаратом для проведения первого курса лечения он был вынужден приобрести данный лекарственный препарат самостоятельно за счет собственных средств, что привело к нарушению его права на бесплатную медицинскую помощь в объеме, гарантированном сотрудникам органов внутренних дел Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ и Правилами, и, как следствие, к причинению истцу убытков.

Поскольку предусмотренный действующим правовым регулированием механизм получения сотрудником органов внутренних дел бесплатной медицинской помощи в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, включая бесплатное обеспечение лекарст-

венными препаратами, в отношении истца, нуждавшегося в экстренной медицинской помощи, реализован не был и он понес расходы на приобретение необходимого ему лекарственного препарата, то в возмещении этих расходов ему не может быть отказано. Иное противоречило бы сути предусмотренных Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел, наделенных особым правовым статусом и выполняющих конституционно значимые функции, а также характеру обязанностей государства по отношению к ним.

Статья 45 Конституции Российской Федерации закрепляет государственные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (ч. 1) и право каждого защищать свои права всеми не запрещенными законами способами (ч. 2).

Среди таких способов защиты гражданских прав ст. 12 ГК РФ называет возмещение убытков.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб).

Потраченные истцом денежные средства на покупку лекарственного средства относятся к его убыткам в форме реального ущерба. Неоднократные обращения Н. и его супруги в адрес МВД по Чувашской Республике и МВД России с просьбой о компенсации им этих расходов в добровольном порядке органами внутренних дел удовлетворены не были.

Исходя из характера спорных правоотношений, возмещение истцу денежных средств, израсходованных на покупку лекарственного препарата, которым его должны были обеспечить бесплатно, т.е. убытков на основании ст. 15 ГК РФ, является надлежащим способом защиты нарушенного права, направленным на восстановление имущественного положения Н., существовавшего до его нарушения.

В связи с тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ расходы, связанные с оказанием медицинской помощи сотруднику, возмещаются медицинским организациям государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном Правительством РФ, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел — МВД России, денежные средства, потраченные на покупку лекарственного препарата для лечения Н., подлежат взысканию с МВД России в пользу Т. как процессуального правопреемника Н. Что касается Минфина России, то в спорных отношениях оно не является надлежащим ответчиком по делу.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции и апелляционное определение и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об удовлетворении исковых требований Т. к МВД России.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Условия договора подлежат толкованию судом таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения, а также не допускать нарушения принципа свободы договора и баланса интересов сторон

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 7 марта 2019 г. № 305-ЭС18-20347*

(Извлечение)

Компания (арендатор) и общество (арендодатель) заключили договор аренды, по условиям которого арендатор обязан внести обеспечительный взнос в качестве гарантии исполнения своих обязательств по договору в сумме, равной двукратной сумме базовой арендной платы и эксплуатационного платежа. Данный пункт также предусматривал право арендодателя удержать сумму обеспечительного взноса, в том числе в качестве штрафа, в случае досрочного расторжения договора по требованию арендатора. Кроме того, договором был предусмотрен возврат обеспечительного взноса арендатору при соблюдении порядка расторжения договора, который предусматривал обязанность арендатора уведомить за 60 календарных дней о предстоящем прекращении договора и освобождении имущества.

Уведомлением компания сообщила обществу об отказе от договоров досрочно, нежилые помещения по актам приема-передачи возвращены обществу.

Ссылаясь на то, что условиями договоров был предусмотрен возврат арендатору суммы обеспечительного взноса при соблюдении условий порядка расторжения договора, а также на отказ арендодателя добровольно ее вернуть, компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании сумм обеспечительного платежа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 7 марта 2019 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Условие, предусматривающее плату за отказ от договора, может быть установлено сторонами обязательства в соответствии с положениями ст. 421 ГК РФ на основании принципа свободы договора.

Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Пункт 3 ст. 310 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ) прямо устанавливает, что предусмотренное законом, нормативным актом или договором право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

В п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора” разъяснено, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду. Условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора (системное толкование). Толкование условий договора осуществляется с учетом цели договора и существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств.

Обжалуя принятое по делу решение в других инстанциях, компания указывала на то, что суды при рассмотрении спора не учли наличие в договоре как права арендатора на прекращение договора в одностороннем порядке, так и условие о возврате обеспечительного взноса при соблюдении порядка расторжения, который предусматривал обязанность арендатора уведомить за 60 календарных дней о предстоящем прекращении договора и освобождении имущества, а также уплату обеспечительного взноса на момент подачи такого заявления.

Компания также указывала на то, что при заключении договора стороны исходили из назначения обеспечительного взноса, подлежащего удержанию в качестве штрафа только за нарушение или ненадлежащее исполнение арендатором условий договоров, в том числе в случае отказа арендатора от подписания акта о приемке помещений в аренду в согласованные договором сроки. Предусмотренное договором право арендатора на его расторжение не может, по его мнению, являться нарушением договора.

Компания также обращала внимание судов на иные положения спорного пункта договора о том, что если арендатор уведомил арендодателя о досрочном расторжении менее чем за 60 кален-

дарных дней или уведомил надлежащим образом без оплаты, то обеспечительный взнос удерживается арендодателем в бесспорном порядке в качестве штрафа за неисполнение арендатором обязанности по соблюдению порядка расторжения договора.

Допущенное судами толкование условий договора, по мнению компании, приводит к необоснованному обогащению ответчика, поскольку арендодатель получит значительно больше суммы арендных платежей, которую он мог бы получить в случае, если договор не был бы расторгнут.

Однако суды, разрешая настоящий спор, как следует из судебных актов по делу, исходили лишь из толкования двух условий договоров — отдельных положений двух пунктов договора.

Между тем, поскольку спор возник в связи с наличием оснований для возврата обеспечительного взноса, судам следовало сопоставить значение указанных пунктов с иными условиями договора в их системной связи (системное толкование), например с иными абзацами спорного пункта договора, в котором стороны согласовали назначение обеспечительного взноса и основания для бесспорного удержания из него сумм, необходимых для удовлетворения требований арендодателя; условием об основаниях для возврата и удержания обеспечительного взноса; условием о восстановлении суммы обеспечительного взноса в случае применения удержания; условием об удержании обеспечительного взноса в бесспорном порядке в качестве штрафа в случае несвоевременного уведомления о прекращении договора, а также иными условиями, позволяющими выявить волю сторон при заключении договора об условиях, связанных с обеспечительным взносом, имеющим также функцию платы за расторжение договора, не допуская при этом возможность какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения, а также нарушение принципа, свободы договора и баланса интересов сторон.

2. Организации ведомственной охраны вправе оказывать услуги по охране объектов, являющихся государственной собственностью, вне зависимости от их ведомственной принадлежности

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 7 июня 2019 г. № 307-КГ18-26407*

(Извлечение)

По итогам проведения электронного аукциона предприятие обратилось в антимонопольный орган с жалобой на действия аукционной комиссии заказчика при определении поставщика (подрядчика, исполнителя) на право заключения государственного контракта на оказание услуг по охране здания военного суда. По мнению предприятия, победитель аукциона — служба ведомственной охраны — не вправе оказывать охранные услуги объектов, которые не находятся в сфере ведения ее учредителя.

Решением антимонопольного органа жалоба предприятия признана необоснованной.

Не согласившись с решением антимонопольного органа, предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

По мнению судов, заявка службы ведомственной охраны не соответствовала требованиям документации об электронном аукционе, в том числе требованиям п. 1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ), и неправомерно была допущена комиссией заказчика к участию в аукционе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 7 июня 2019 г. отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления предприятия по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона № 44-ФЗ контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. При этом запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые противоречат требованиям Федерального закона № 44-ФЗ, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона № 44-ФЗ при осуществлении закупки заказчик устанавливает единые требования к участникам закупки, в том числе о соответствии требованиям, установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации к лицам, осуществляющим поставку товара, выполнение работы, оказание услуги, являющихся объектом закупки. Таким образом, аукционная комиссия обязана проверить как соответствие представленной заявки требованиям аукционной документации, так и соответствие участника аукциона требованиям, предъявляемым законодательством к исполнителям работ (услуг), являющихся предметом контракта.

В рассматриваемом деле объектом закупки являлись услуги по охране здания военного суда.

Оказание охранных услуг в Российской Федерации регулируется Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 “О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации”, Федеральным законом от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ “О государственной охране”, Федеральным законом от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ “О ведомственной охране” (далее — Федеральный закон № 77-ФЗ).

Из положений ст. 8 Федерального закона № 77-ФЗ следует, что ведомственная охрана осуществляет защиту охраняемых объектов, являющихся государственной собственностью и (или) находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов.

Защита охраняемых объектов иных форм собственности, находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов, осуществляется в соответствии с заключенными договорами.

Действующая редакция ст. 8 Федерального закона № 77-ФЗ не ограничивает, а, напротив, прямо указывает на допустимость службам ведомственной охраны осуществлять охрану объектов государственной собственности, не находящихся в сфере ведения учредителей службы.

Таким образом, нормы Федерального закона № 77-ФЗ позволяют сделать вывод о том, что организации ведомственной охраны не ограничены в объектах охраны исключительно теми объектами, которые находятся в ведении создавших эти организации государственных органов, в связи с чем участие в закупке на охрану объектов, являющихся государственной собственностью и находящихся в ведении иных государственных органов, вправе принимать любые заинтересованные лица, соответствующие требованиям к участникам закупки, независимо от ведомственной принадлежности объектов.

В разделе II документации об электронном аукционе заказчиком в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона № 44-ФЗ установлены обязательные требования к участникам закупки, среди которых содержится указание на соответствие участника требованиям, содержащимся в распоряжении Правительства РФ от 10 февраля 2017 г. № 239-р “Об утверждении перечня объектов, находящихся в ведении федеральных государственных органов, охраняемых военными подразделениями и сторожевыми подразделениями организаций, подведомственных Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и ведомственной охраной федеральных органов исполнительной власти, на период до создания ведомственной охраны федеральными государственными органами”.

Названным распоряжением утвержден Перечень объектов, находящихся в ведении федеральных государственных органов, охраняемых военными подразделениями и сторожевыми подразделениями организаций, подведомственных Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и ведомственной охраной

федеральных органов исполнительной власти, на период до создания ведомственной охраны федеральными государственными органами (далее — Перечень).

В соответствии с разделом I данного Перечня административные здания, занимаемые судами, находящиеся в сфере ведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ, подлежат охране как военными подразделениями и сторожевыми подразделениями организаций, подведомственных Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, так и ведомственной охраной федеральных органов исполнительной власти.

К таким объектам в соответствии с абз. 1 раздела I Перечня относятся в том числе административные здания, занимаемые верховными судами республик, краевыми и областными судами, судами городов федерального значения, судами автономной области и автономных округов, арбитражными судами округов, арбитражными апелляционными судами, окружными (флотскими) военными судами.

Таким образом, организации ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти вправе оказывать услуги по охране здания военного суда наравне с военными подразделениями и сторожевыми подразделениями организаций Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

С учетом изложенного служба ведомственной охраны вправе оказывать услуги в отношении охраняемых объектов, являющихся государственной собственностью, в связи с чем у аукционной комиссии не имелось оснований считать заявку не соответствующей требованиям действующего законодательства и документации об аукционе.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзац 7 письма ФНС России от 16 октября 2015 г. № СД-4-3/18072 в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования допускает проведение налоговыми органами мероприятий налогового контроля посредством осмотра помещений и территорий в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки, когда такие помещения и территории не используются проверяемым налогоплательщиком для извлечения дохода (прибыли) и не связаны с содержанием объектов налогообложения, признан не действующим со дня принятия

Решение Верховного Суда РФ от 10 июня 2019 г. № АКПИ19-296, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 августа 2019 г. № АПЛ19-333

(Извлечение)

Федеральной налоговой службой (далее также — ФНС России) 16 октября 2015 г. издано письмо № СД-4-3/18072 по вопросам примене-

ния налога на добавленную стоимость в связи с изменениями законодательства о налогах и сборах, вступившими в силу с 1 января 2015 г. (далее — Письмо).

Разъясняя отдельные положения Налогового кодекса РФ, ФНС России в абз. 7 Письма указала: “При этом для сбора максимально полной доказательственной базы, направленной на установление наличия или отсутствия фактов получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, налоговые органы проводят мероприятия налогового контроля в соответствии со статьями 86, 90, 92, 93¹, 95, 96, 97 Кодекса в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки, по результатам которых могут быть выявлены обстоятельства, имеющие существенное значение для принятия обоснованного решения по результатам камеральной налоговой проверки”.

Индивидуальный предприниматель З. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании не действующим абз. 7 Письма в части слов “в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки”, ссылаясь на то, что Письмо обладает нормативными свойствами, позволяющими применить его неоднократно в качестве общеобязательного предписания в отношении неопределенного круга лиц, по своему содержанию не соответствует действительному смыслу разъясняемых нормативных положений, а именно п. 1 ст. 92 НК РФ, противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Наделяя должностных лиц налоговых органов правом осматривать территории и помещения лиц, в отношении которых не проводится налоговая проверка, Письмо фактически возлагает на данных лиц корреспондирующую этому праву обязанность подчиняться таким действиям должностных лиц.

Верховный Суд РФ 10 июня 2019 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 32 НК РФ налоговые органы обязаны бесплатно информировать (в том числе в письменной форме) налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов о действующих налогах и сборах, законодательстве о налогах и сборах и о принятых в соответствии с ним нормативных правовых актах, порядке исчисления и уплаты налогов и сборов, правах и обязанностях налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также представлять формы налоговых деклараций (расчетов) и разъяснять порядок их заполнения.

Согласно абз. 1 п. 1 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 (далее — Положение), ФНС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления,

полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов, сборов и страховых взносов, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей, за производством и оборотом табачной продукции, за применением контрольно-кассовой техники, а также функции органа валютного контроля в пределах компетенции налоговых органов.

С целью реализации полномочий в установленной сфере деятельности ФНС России имеет право давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к установленной сфере деятельности (подп. 6.3 Положения).

Письмо издано ФНС России при реализации полномочий, установленных законом и Положением, официально не опубликовано, для исполнения в налоговые органы не направлялось. Оно адресовано некоммерческому партнерству “Совет промышленных предприятий вторичной цветной металлургии” и является ответом на его обращения.

Являясь актом казуального толкования, оно, как следует из представленных административным истцом материалов, не опровергнутых административным ответчиком, в силу принципа ведомственной субординации опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц территориальных органов ФНС России, приобрело, по сути, обязательный характер в отношениях налоговых органов с неопределенным кругом лиц.

Такой вывод подтверждается содержанием постановления должностного лица межрайонной инспекции ФНС России № 1 по Республике Тыва от 29 августа 2018 г. № 19 и решения по жалобе руководителя Управления ФНС России по Республике Тыва от 26 сентября 2018 г. № 02-10/07439.

Указанные в оспариваемом акте ст.ст. 86, 90, 92, 93¹, 95, 96, 97 НК РФ о мероприятиях налогового контроля применяются налоговыми органами в истолковании, изложенном ФНС России в разъяснениях, данных в абз. 7 Письма.

В частности, эти разъяснения допускают проведение налоговыми органами такого мероприятия налогового контроля, предусмотренного п. 1 ст. 92 НК РФ, как осмотр территорий, помещений не только лица, в отношении которого проводится налоговая проверка (выездная либо камеральная), но и в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки.

Подобное разъяснение не соответствует действительному смыслу п. 1 ст. 92 Кодекса, который предусматривает проведение названного мероприятия налогового контроля исключительно в отношении проверяемого налогоплательщика.

Так, обозначенной нормой Кодекса установлено, что должностное лицо налогового органа, производящее выездную налоговую проверку либо камеральную налоговую проверку на основе

налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, в случаях, предусмотренных пп. 8 и 8¹ ст. 88 этого Кодекса, в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки, вправе производить осмотр территорий, помещений лица, в отношении которого проводится налоговая проверка, документов и предметов.

Не соответствующее Кодексу расширение круга лиц, в отношении которых может быть проведено отмеченное мероприятие налогового контроля, не может быть оправдано и указанием в абз. 7 Письма на цель мероприятия — сбор максимально полной доказательственной базы, направленной на установление наличия или отсутствия фактов получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, так как ссылка административного ответчика на данное обстоятельство не основана на законе.

Статьей 31 НК РФ предусмотрено право налоговых органов проводить налоговые проверки в порядке, установленном этим Кодексом (подп. 2 п. 1); в порядке, предусмотренном ст. 92 Кодекса, осматривать любые используемые налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанные с содержанием объектов налогообложения независимо от места их нахождения производственные, складские, торговые и иные помещения и территории, проводить инвентаризацию принадлежащего налогоплательщику имущества (подп. 6 п. 1).

Аналогичные положения содержатся в пп. 3, 3¹ ст. 7 Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 “О налоговых органах Российской Федерации”.

Налоговый контроль согласно абз. 2 п. 1 ст. 82 НК РФ проводится должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции посредством налоговых проверок, получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, плательщиков страховых взносов, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), а также в других формах, предусмотренных данным Кодексом.

Приведенные нормы, на которые в обоснование своих возражений указывает ФНС России, также не предусматривают право налогового органа на осмотр территорий или помещений контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки в случаях, когда такие территории и помещения не используются проверяемым налогоплательщиком для извлечения дохода (прибыли) и не связаны с содержанием объектов налогообложения.

Исходя из взаимосвязанных положений п. 1 ст. 92 и подп. 2, 6 п. 1 ст. 31, п. 1 ст. 82 Кодекса, следует сделать вывод, что при проведении выездной или камеральной налоговой проверки в отношении конкретного налогоплательщика допускается осмотр тех территорий и помещений, которые используются таким лицом для извлечения дохода (прибыли) либо связаны с содержанием объектов налогообложения.

Вопреки доводам административного ответчика не может быть дано расширительное толко-

вание п. 1 ст. 92 Кодекса на основании п. 2 этой же статьи, который, в свою очередь, регулирует только отношения, связанные с осмотром документов и предметов, в том числе при согласии владельца этих предметов на проведение их осмотра, и не определяет случаи, порядок и основания осмотра территорий и помещений, т.е. иных объектов обследования.

В силу п. 1 ст. 93¹ НК РФ должностное лицо налогового органа, проводящее налоговую проверку, вправе истребовать у контрагента или у иных лиц, располагающих документами (информацией), касающимися деятельности проверяемого налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента), эти документы (информацию). При возникновении у налоговых органов обоснованной необходимости получения документов относительно конкретной сделки вне рамок проведения налоговых проверок п. 2 ст. 93¹ Кодекса предусмотрено право инспекции истребовать эти документы у участников этой сделки или у иных лиц, располагающих документами об этой сделке.

Названные положения определяют такое самостоятельное мероприятие налогового контроля, как истребование документов (информации) о налогоплательщике, плательщике сборов, плательщике страховых взносов и налоговом агенте или информации о конкретных сделках. Предусмотренное ими право налоговых органов истребовать у контрагента или у иных лиц документы (информацию), касающиеся деятельности проверяемого налогоплательщика, не распространяется на основание и порядок осмотра территорий и помещений, указанные в ст. 92 НК РФ.

Таким образом, анализ абз. 7 Письма позволяет сделать вывод, что сформулированные в нем разъяснения относительно осмотра территорий и помещений устанавливают не предусмотренные Налоговым кодексом РФ полномочия налоговых органов в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также третьих лиц — участников сделки, они фактически через правоприменительную деятельность налоговых органов оказывают общерегулирующее воздействие на налоговые правоотношения, которые выходят за рамки адекватного истолкования (интерпретации) п. 1 ст. 92 НК РФ во взаимосвязи с его ст.ст. 31 и 82 и влекут изменение правового регулирования.

С учетом того, что абз. 7 Письма не соответствует действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, устанавливает не предусмотренные разъясняемыми нормативными положениями общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение, в силу п. 1 ч. 5 ст. 217¹ КАС РФ он подлежит признанию не действующим со дня его принятия в той мере, в какой данный абзац в системе действующего правового регулирования допускает проведение налоговыми органами мероприятий налогового контроля посредством осмотра помещений и территорий в отношении контрагентов проверяемого налогоплательщика, а также треть-

их лиц — участников сделки, когда такие помещения и территории не используются проверяемым налогоплательщиком для извлечения дохода (прибыли) и не связаны с содержанием объектов налогообложения.

2. Подпункт “а” п. 148⁵ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не действующим со дня вступления в законную силу решения суда

Решение Верховного Суда РФ от 29 апреля 2019 г. № АКПИ19-128, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 августа 2019 г. № АПЛ19-267

(Извлечение)

Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 утверждены Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (далее — Правила).

Согласно п. 148⁵ Правил условия предоставления коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами собственнику и пользователю жилого дома (домовладения) по его выбору определяются:

а) в договорах на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами, заключаемых собственниками жилых помещений в многоквартирном доме с соответствующим региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами;

б) в договоре о предоставлении коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами, заключаемом собственником жилого дома (домовладения) с организацией (в том числе садоводческим или огородническим некоммерческим товариществом), которая от своего имени и в интересах собственника заключает договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с соответствующим региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Гражданин М. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующим подп. “а” п. 148⁵ Правил, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют чч. 3, 4 ст. 154 ЖК РФ, п. 4 ст. 24⁷ Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления”, поскольку действующим законодательством предусмотрено право собственников домовладений заключить договор с оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами напрямую, в частности с региональным оператором, в зоне деятельности которого образуются твердые коммунальные отходы и находятся места их накопления, без посредничества садоводческих некоммерческих товариществ.

Верховный Суд РФ 29 апреля 2019 г. административный иск удовлетворил, указав следующее.

Согласно ст. 23 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ “О Правительстве Российской Федерации” Правительство РФ на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение. Акты, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 157 ЖК РФ Правительство РФ устанавливает правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах.

Во исполнение требований федерального законодателя постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 утверждены Правила (действуют в редакции постановления Правительства РФ от 23 февраля 2019 г. № 184).

Правила регулируют отношения по предоставлению коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах, собственникам и пользователям жилых домов, в том числе отношения между исполнителями и потребителями коммунальных услуг, устанавливают их права и обязанности, порядок заключения договора, содержащего положения о предоставлении коммунальных услуг, а также порядок контроля качества предоставления коммунальных услуг, порядок определения размера платы за коммунальные услуги с использованием приборов учета и при их отсутствии, порядок перерасчета размера платы за отдельные виды коммунальных услуг в период временного отсутствия граждан в занимаемом жилом помещении, порядок изменения размера платы за коммунальные услуги при предоставлении коммунальных услуг ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, определяют основания и порядок приостановления или ограничения предоставления коммунальных услуг, а также регламентируют вопросы, связанные с наступлением ответственности исполнителей и потребителей коммунальных услуг.

Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2017 г. № 232 Правила дополнены разделом XV¹, который регулирует вопросы предоставления коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами.

В соответствии с ч. 5 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого дома или части жилого дома обязан обеспечивать обращение с твердыми коммунальными отходами путем заключения договора с региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Определяя правовые основы обращения с отходами производства и потребления, Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” в п. 1 ст. 24⁷ предусматривает, что региональные операторы заключают договоры на ока-

зание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с собственниками твердых коммунальных отходов, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами является публичным для регионального оператора. Региональный оператор не вправе отказать в заключении договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами собственнику твердых коммунальных отходов, которые образуются и места накопления которых находятся в зоне его деятельности.

Пункт 148⁵ Правил определяет условия предоставления коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами собственнику и пользователю жилого дома (домовладения).

Определение в оспариваемой норме условия предоставления коммунальной услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами собственнику и пользователю жилого дома (домовладения) в договорах на оказание услуг жилых помещений в многоквартирном доме с соответствующим региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами является неопределенным и вызывает неоднозначное толкование, поскольку не соответствует предмету правового регулирования.

Согласно разъяснению, данному в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами”, проверяя содержание оспариваемого акта или его части, необходимо также выяснять, является ли оно определенным. Если оспариваемый акт или его часть вызывают неоднозначное толкование, оспариваемый акт в такой редакции признается не действующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения.

На основании изложенного Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал не действующим со дня вступления в законную силу решения суда подп. “а” п. 148⁵ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354.

3. Оспариваемый частично п. 7 Порядка оказания медицинской помощи по профилю “пластическая хирургия”, утвержденного приказом Минздрава России от 31 мая 2018 г. № 298н, п. 3 приложения № 4 к данному Порядку “Правила организации деятельности отделения пластической хирургии” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. № АКПИ19-261, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 сентября 2019 г. № АПЛ19-338

4. Подпункт “г” п. 4 Правил замены документов, подтверждающих право на получение мер социальной защиты (поддержки) и выданных государственными и иными официальными органами Украины, государственными и иными официальными органами Автономной Республики Крым либо Республики Крым, государственными и иными официальными органами г. Севастополя либо города федерального значения Севастополя, на документы, являющиеся основанием для предоставления мер социальной защиты (поддержки), предусмотренных законодательством Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2014 г. № 1532, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 мая 2019 г. № АКПИ19-166, вступившее в законную силу

5. Оспариваемый частично п. 12 приложения к приказу Минкомсвязи России от 13 февраля 2018 г. № 61 “О внесении изменений в приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.07.2014 № 234 “Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № АКПИ19-306, вступившее в законную силу

6. Оспариваемые частично Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности), утвержденные исполняющим обязанности директора ФССП — главного судебного пристава РФ 21 августа 2013 г. № 04-12, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 3 июня 2019 г. № АКПИ19-288, вступившее в законную силу

7. Письмо ФНС России от 25 сентября 2017 г. № ГД-4-11/19256@ признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 июня 2019 г. № АКПИ19-231, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 августа 2019 г. № АПЛ19-307

8. Оспариваемый частично п. 4 Порядка принятия документа об утверждении лимита добычи охотничьих ресурсов и внесения в него изменений, утвержденного приказом Минприроды России от 29 июня 2010 г. № 228, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 мая 2019 г. № АКПИ19-223, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 5 сентября 2019 г. № АПЛ19-309

9. Оспариваемые частично пп. 3, 8 Правил распределения квоты добычи (вылова) водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, в территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, Каспийском море для осуществления промышленного рыболовства и (или) прибрежного рыболовства между лицами, указанными в части 3 статьи 16 Федерального закона “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов”, у которых срок действия договоров о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов для осуществления промышленного рыболовства на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации и (или) договоров о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов для осуществления прибрежного рыболовства во внутренних морских водах Российской Федерации, в территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, Каспийском море истекает до 31 декабря 2018 г., и закреплении доли квоты добычи (вылова) водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, в территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, Каспийском море для осуществления промышленного рыболовства и (или) прибрежного рыболовства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 января 2018 г. № 88, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № АКПИ19-172, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 сентября 2019 г. № АПЛ19-314

10. Пункт 6 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 мая 2019 г. № АКПИ19-203, вступившее в законную силу

11. Оспариваемый частично абз. 9 п. 35 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Минкомсвязи России от 31 июля 2014 г. № 234, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 июня 2019 г. № АКПИ19-313, вступившее в законную силу

12. Подпункт 1 п. 4 Порядка оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, а также при розыске на основании судебного акта по гражданскому делу гражданина-ответчика, утвержденного приказом Минюста России и МВД России от 29 августа 2018 г. № 178/565, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 4 марта 2019 г. № АКПИ19-72, вступившее в законную силу

13. Оспариваемый частично абз. 1 п. 196 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2019 г. № АКПИ18-1288, вступившее в законную силу

14. Пункт 1 Указа Президента Российской Федерации от 29 июля 2015 г. № 391 “Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”, пп. 2—6 Правил уничтожения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включенных в перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн и которые по 31 декабря 2019 г. запрещены к ввозу в Российскую Федерацию, утвержденных постановлением Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 774, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2019 г. № АКПИ18-1211, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 мая 2019 г. № АПЛ19-137

15. Оспариваемый частично подп. “е” п. 1.16 Регламента Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденного приказом Минстроя России от 20 марта 2014 г. № 107/пр, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2019 г. № АКПИ18-1193, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № АПЛ19-100

16. Пункт 3.5 приложения к положению Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П “О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 21 января 2019 г. № АКПИ18-1207, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № АПЛ19-102

17. Абзац 6 п. 81¹¹ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, в части, предусматривающей применение повышающего коэффициента 10 при перерасчете платы за коммунальные услуги при обнаружении несанкционированного вмешательства в работу прибора учета, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. № АКПИ18-1139, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16 апреля 2019 г. № АПЛ19-105

18. Пункт 17 Перечня грузов, требующих обязательного сменного сопровождения и охраны в пути следования, утвержденного приказом МЧС России от 18 июня 2003 г. № 38, в части, исключающей энергетические газы из числа грузов, требующих обязательного сменного сопровождения и охраны в пути следования, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № АКПИ18-1202, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № АПЛ19-99

19. Пункт 5 перечня документов, необходимых для назначения дополнительного ежемесячного материального обеспечения гражданам Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией, утвержденного приказом Минтруда России от 20 марта 2018 г. № 172н, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 31 января 2019 г. № АКПИ18-1245, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16 апреля 2019 г. № АПЛ19-113

20. Оспариваемые частично п. 3 постановления Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 “Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063”

и утвержденные названным постановлением Правила признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2019 г. № АКПИ18-1196, вступившее в законную силу

21. Абзац 11 п. 4.10 СП 54.13330 “СНиП 31-01-2003 Здания жилые многоквартирные”, утвержденных приказом Минстроя России от 3 декабря 2016 г. № 883/пр, в той мере, в какой оспариваемым положением запрещается размещение в подвальном, цокольном, первом и втором этажах жилого здания (в крупных и крупнейших городах — в третьем этаже) ветеринарных клиник и кабинетов, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № АКПИ18-1308, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 июня 2019 г. № АПЛ19-162

22. Пункты 340, 341, 343, 345, подп. 348.1.1, 348.1.2 п. 348 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № АКПИ18-1269, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 мая 2019 г. № АПЛ19-160

23. Оспариваемые частично приложение к Положению о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”), утвержденному постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291, и п. 7 Требований к организации и выполнению работ (услуг) при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях, утвержденных приказом Минздрава России от 11 марта 2013 г. № 121н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 февраля 2019 г. № АКПИ18-1242, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 мая 2019 г. № АПЛ19-158

24. Оспариваемые частично пп. 1, 3 и 4 приказа Председателя Следственного комитета РФ от 17 октября 2014 г. № 89 “Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2019 г. № АКПИ18-1189, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16 мая 2019 г. № АПЛ19-123

25. Оспариваемый частично абз. 21 перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 августа 2001 г. № 643, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 марта 2019 г. № АКПИ18-1267, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № АПЛ19-175

26. Оспариваемые частично пп. 110, 123 Правил обязательного медицинского страхования, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 28 февраля 2011 г. № 158н, п. 8 приложения № 1 “Положение о деятельности комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования” к данным Правилам признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 марта 2019 г. № АКПИ19-49, вступившее в законную силу

27. Оспариваемые частично пп. 42 и 50 Правил государственной регистрации автотранспортных средств и прицепов дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и п. 1 Перечня нормативных правовых актов МВД России и отдельных положений нормативных правовых актов МВД России, которые признаются утратившими силу, утвержденных приказом МВД России от 26 июня 2018 г. № 399, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 28 марта 2019 г. № АКПИ19-63, вступившее в законную силу

28. Оспариваемые частично подп. “и”, “л”, “п” п. 12 Положения о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 марта 2019 г. № АКПИ19-7, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № АПЛ19-194

29. Оспариваемые частично пп. 2, 7 Федеральных авиационных правил “Медицинское освидетельствование летного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации”, утвержденных приказом Минтранса России от 22 апреля 2002 г. № 50, пункт 1 приложения к приказу Минтранса России от 28 ноября 2014 г. № 325 “Изменения, вносимые в приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 22 апреля 2002 г. № 50” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. № АКПИ19-15, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 июня 2019 г. № АПЛ19-164

30. Пункты 105 и 115 Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 31 января 2013 г. № 65, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № АКПИ18-1297, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 мая 2019 г. № АПЛ19-159

31. Подпункт “з” п. 4 Положения о лицензировании деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2011 г. № 1130, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2019 г. № АКПИ18-1201, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 мая 2019 г. № АПЛ19-138

32. Пункты 65 и 66 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 16 ноября 2017 г. № 864, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 марта 2019 г. № АКПИ19-3, вступившее в законную силу

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Изъятие, приобщение и хранение в качестве вещественных доказательств предметов, используемых при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся подозреваемыми или обвиняемыми по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, не допускается, если обеспечение их сохранности и проведение с ними следственных действий не требуют такого изъятия

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 305-П18

(Извлечение)

2 февраля 2017 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. “а” ч. 6 ст. 171¹ УК РФ (по факту изготовления неустановленными лицами в целях сбыта

немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, в крупном размере, с использованием оборудования для производства и упаковки сигарет). В ходе осмотра места происшествия было обнаружено и изъято оборудование по производству сигарет.

По постановлению следователя от 5 февраля 2017 г. станок по производству сигарет с присоединением фильтра, оборудование по производству табачной продукции, включающее станок по упаковке сигарет в пачки, станок оклейки специальными марками, станок фасовки пачек в блоки и упаковки в полиэтиленовую пленку, признаны в качестве вещественных доказательств и приобщены к уголовному делу.

По постановлению Свердловского районного суда г. Белгорода от 13 марта 2017 г. жалоба директора общества с ограниченной ответственностью (далее — общество) Ч., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, на действия следственного органа, связанные с изъятием, удержанием и воспрепятствованием в пользовании оборудованием, принадлежащим обществу, оставлена без удовлетворения.

Апелляционным постановлением Белгородского областного суда от 17 апреля 2017 г. постановление от 13 марта 2017 г. об оставлении без удовлетворения жалобы общества о признании незаконными действий следственного органа, связанных с изъятием, удержанием и воспрепятствованием в пользовании оборудованием, принадлежащим обществу, и передачей его на ответственное хранение обществу, оставлено без изменения.

Директор общества Ч. в своем обращении в Конституционный Суд РФ оспорил конституционность ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 11 января 2018 г. № 1-П.

Президиум Верховного Суда РФ 29 мая 2019 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд РФ 11 января 2018 г. вынес Постановление № 1-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой общества, в соответствии с которым:

— положения ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что при решении на их основании уполномоченными лицами органов предварительного следствия и дознания в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопроса об изъятии, приобщении к материалам уголовного дела и удержании в режиме хранения в качестве вещественных доказательств предметов, исполь-

зуемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), указанные вещественные доказательства не должны изыматься у их собственников или владельцев, если обеспечение их сохранности и проведение с ними необходимых следственных действий, а равно предотвращение их использования для совершения преступлений не требуют — с учетом их особенностей и иных обстоятельств конкретного дела — такого изъятия; после проведения с ними необходимых следственных действий, потребовавших изъятия, они незамедлительно возвращаются собственнику или владельцу на ответственное хранение;

— конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной, включая судебную, практике;

— правоприменительные решения, вынесенные в отношении общества на основании положений ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Таким образом, вышеуказанное Постановление Конституционного Суда РФ, которым в результате выявления конституционно-правового смысла положений ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ исключается любое иное, т.е. неконституционное, их истолкование, а следовательно, и их применение в неконституционной интерпретации, имеет те же последствия, что и Постановление, которым правовая норма признается не соответствующей Конституции Российской Федерации, оно обладает обратной силой в отношении судебных актов, вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ по делу по жалобе директора общества, который был участником конституционного судопроизводства, и является основанием для возобновления производства по данному делу ввиду новых обстоятельств.

Согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ Президиум Верховного Суда РФ по результатам рассмотрения представления Председателя Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ.

Поскольку выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл положений ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, включая судебную, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по

делу ввиду новых обстоятельств и отменил постановление от 13 марта 2017 г. и апелляционное постановление от 17 апреля 2017 г.

При этом Президиум прекратил производство по жалобе директора общества Ч., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, на действия следственного органа, связанные с изъятием, удержанием и воспрепятствованием в пользовании оборудованием, принадлежащим обществу, в связи с отсутствием в настоящее время предмета обжалования.

2. Право на защиту не может считаться обеспеченным, если защитник действовал вопреки интересам представляемого им лица

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 28 ноября 2018 г. № 6-АПУ18-4*

(Извлечение)

По постановлению Рязанского областного суда от 26 сентября 2018 г. В. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. К нему применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа.

Судом установлено, что при обстоятельствах, изложенных в постановлении, В. в состоянии невменяемости совершил убийство малолетней М.

В апелляционном представлении государственного обвинителя просил изменить постановление суда и назначить В. лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением, как лицу, представляющему особую опасность для других лиц и нуждающемуся в постоянном и интенсивном наблюдении.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 ноября 2018 г. отменила постановление суда и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение¹, мотивировав свое решение следующим.

В силу ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказываться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, что исключает, в частности, занятие адвокатом позиции по делу, противоречащей позиции его подзащитного, а также объективно существующим интересам этого подзащитного.

¹По постановлению Рязанского областного суда от 27 марта 2019 г. В. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. К нему применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела В. неоднократно заявлял о своей непричастности к убийству, утверждал, что М. в день совершения преступления он не видел, а возле места, где было совершено преступление, видел двух мужчин.

Вместе с тем адвокатом, защищавшим В. в судебном заседании, эта позиция не была поддержана, он заявил, что стороной защиты не будут представлены какие-либо доказательства. В судебных прениях адвокат отметил, что выводы о совершении В. преступления, предусмотренного п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ, не представляется возможным опровергнуть доказательствами, свидетельствующими о его непричастности к инкриминируемому преступлению, его виновность доказывают и результаты проведенных экспертиз.

Не была поддержана позиция В., отрицавшего свою причастность к убийству М., и его законным представителем.

Таким образом, участники уголовного судопроизводства, обязанные защищать права и интересы представляемого ими В., фактически отказались от его защиты, поддержав сторону обвинения.

То обстоятельство, что в отношении В. рассматривалось уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера, не давало оснований защитнику занимать по делу позицию вопреки воле доверителя.

При таких данных Судебная коллегия признала, что в судебном заседании было нарушено право В. на защиту.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. В случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 21 февраля 2019 г. № 204-КГ18-15*

(Извлечение)

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 20 февраля 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 мая 2018 г., удовлетворено административное исковое заявление Р., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии федерального государственного казенного образовательного учреждения "Курганский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации" (далее — Пограничный институт) от 28 ноября 2017 г. об отказе в признании его и членов семьи нуждающимися в жилом помещении.

Суд первой инстанции обязал жилищную комиссию отменить оспариваемое решение и повторно рассмотреть вопрос о признании административного истца с семьей из трех человек нуждающимся в жилом помещении без учета наличия у него в пользовании квартиры в г. Кургане.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 21 февраля 2019 г. судебные акты отменила и приняла по делу новое решение об отказе Р. в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что военнослужащему Пограничного института Р. решением жилищной комиссии Пограничного института от 3 июня 2005 г. предоставлена по установленным нормам двухкомнатная квартира общей площадью жилого помещения 46 кв.м по месту военной службы в г. Кургане, в которую он вселился на основании утвержденного начальником института акта приема-передачи, зарегистрировался и переоформил на себя лицевой счет. Впоследствии в квартиру были вселены его супруга и сын.

Указанная квартира первоначально находилась в ведении исполнительного комитета районного Совета народных депутатов г. Кургана, решением которого от 1 июня 1988 г. она была выделена Курганскому гарнизону и распределена военнослужащему Пограничного института с сохранением за гарнизоном права повторного заселения этой квартиры в случае ее освобождения. Постановлением Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. квартира была включена в реестр объектов муниципальной собственности и впоследствии отнесена к муниципальному жилищному фонду г. Кургана.

После предоставления Р. квартиры начальник Пограничного института обратился в администрацию г. Кургана с просьбой об оформлении квартиры указанному военнослужащему, на что получил ответ от 29 декабря 2007 г., согласно которому ему предлагалось представить соответствующий пакет документов на названного военнослужащего в департамент по управлению жилищно-коммунальным хозяйством и благоустройству администрации для оформления заселения.

В октябре 2017 г. административный истец обратился в жилищную комиссию Пограничного института с заявлением о принятии его и членов семьи на учет нуждающихся в жилом помещении, в чем ему решением жилищной комиссии от 28 ноября 2017 г. было отказано ввиду того, что он представил документы, которые не подтверждают право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении.

В судебном заседании по рассмотрению административного заявления Р. об оспаривании названного решения жилищной комиссии административный истец заявил, что он не желает заключать договор социального найма на занимаемую квартиру, она ему не нужна.

В письменном отзыве представитель администрации г. Кургана, привлеченной к участию в

деле в качестве заинтересованного лица, указал, что Р. на жилищном учете в администрации города не состоит, жилое помещение ему не предоставлялось, соответственно, оснований для заключения с ним договора социального найма не имеется.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции посчитал, что жилищная комиссия Пограничного института полномочиями по перераспределению квартиры, относящейся к муниципальному жилищному фонду, не обладала, на жилищном учете в местном органе самоуправления Р. не состоял и не состоит, договор социального найма названного жилого помещения с ним не заключался.

Изложенное, по мнению суда, свидетельствует о неприменении к спорным правоотношениям положений п. 5 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, согласно которому в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

В связи с этим суд пришел к выводу, что у жилищной комиссии не имелось оснований для вывода об обеспеченности административного истца жилым помещением по договору социального найма.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с выводами суда первой инстанции, дополнительно указал в определении, что собственник жилого помещения отказался заключить с Р. договор социального найма занимаемого им жилого помещения.

Между тем такие выводы не соответствуют обстоятельствам дела и основаны на неправильном применении норм материального права.

Придя к выводу об отсутствии оснований для предоставления Р. жилого помещения, принадлежащего на праве собственности муниципальному образованию, суды обосновали его в том числе представленными администрацией г. Кургана документами, из которых следует, что административный истец на жилищном учете в администрации города не состоит, занимаемое жилое помещение администрацией города ему не предоставлялось, в связи с чем оснований для заключения с ним договора социального найма не имеется.

При этом судами оставлены без внимания другие документы, предоставленные администрацией г. Кургана и государственным казенным учреждением “Государственный архив Курганской области” и исследованные в судебном заседании, из которых усматривается, что квартира, которая в июне 2005 г. была предоставлена Р. Пограничным институтом, находилась в ведении исполнительного комитета районного Совета народных депутатов г. Кургана, решением которого от 1 июня 1988 г. она выделена Курганскому гарнизону и распределена военнослужащему Пограничного института с сохранением за гарнизоном

права повторного заселения этой квартиры в случае ее освобождения.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” (в первоначальной редакции) военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, с учетом права на дополнительную жилую площадь за счет государственного или муниципального жилищного фонда, закрепляемого за Минобороны России (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба).

Кроме того, согласно п. 5 ст. 15 названного Закона в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

Названные нормы Закона указывают на то, что законодателем, исходя из публичных целей и независимо от принадлежности жилищного фонда к государственной или муниципальной форме собственности, установлен специальный порядок передачи (заселения) жилых помещений для военнослужащих путем обеспечения их жилыми помещениями в домах государственного и муниципального жилищного фонда на условиях договора социального найма.

Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” был изложен в новой редакции.

Однако Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ не были изменены положения п. 5 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, а также абз. 3 п. 1 ст. 15 названного Закона, в соответствии с которыми при продолжении военнослужащими, заключившими контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., военной службы свыше пяти лет им предоставляются жилые помещения на общих основаниях (в редакции Федерального закона на момент предоставления Р. квартиры).

Таким образом, Федеральный закон “О статусе военнослужащих”, закрепляя особый правовой статус военнослужащих, выражающийся в том числе в особом порядке обеспечения их жилыми помещениями, допускает возможность предоставления указанным лицам и членам их семей жилых помещений муниципального жилищного фонда по договору социального найма, ранее предоставленных другим военнослужащим при освобождении последними данных помещений в связи с выездом.

Эти положения законов судами учтены не были.

Оставление без внимания существенных для дела обстоятельств и неправильное применение норм материального права привели к ошибочному выводу судов об отсутствии у жилищной комиссии Пограничного института правомочий по перераспределению административному истцу квартиры, ранее предоставленной в соответствии с решением органа местного самоуправления другому военнослужащему.

Что касается мнения представителя администрации г. Кургана об отсутствии оснований для заключения с Р. договора социального найма и заявления последнего в судебном заседании о нежелании заключать такой договор на занимаемую им квартиру, то они не влияют на правомочность принятого жилищной комиссией Пограничного института решения, поскольку обязанность по жилищному обеспечению административного истца командование исполнило в июне 2005 г., предоставив ему квартиру, закрепленную за Курганским гарнизоном, после выезда из нее другого военнослужащего.

2. Соучастие осужденных в приготовлении к участию в деятельности террористической организации, т.е. в преступной организации, не может повторно учитываться в качестве отягчающего наказание обстоятельства

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 21 марта 2019 г. № 201-АПУ19-6

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 11 октября 2018 г. И. и А. признаны виновными в приготовлении в период с 1 декабря 2017 г. по 17 апреля 2018 г. в г. Санкт-Петербурге к участию в деятельности организации (“Джебхат ан-Нусра”), которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, на основании чего осуждены по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ к лишению свободы на срок семь лет в исправительной колонии строгого режима каждый.

Рассмотрев дело в апелляционном порядке, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 21 марта 2019 г. приговор изменила, исключила указание о совершении осужденными преступления в составе группы лиц как на обстоятельство, отягчающее наказание, и снизила им назначенное судом первой инстанции наказание до шести лет шести месяцев

лишения свободы в исправительной колонии строгого режима каждому.

В обоснование в апелляционном определении приведены следующие доводы.

В качестве обстоятельства, отягчающего наказание И. и А. за приготовление к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, суд признал совершение ими преступления в составе группы лиц.

Между тем по смыслу уголовного закона наказуемость за приготовление к преступлению определяется по той статье Особенной части УК РФ, по которой виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за приготовление к совершению этого преступления.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ наказание за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Согласно положениям ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ под участием в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, понимается совершение преступления в составе преступной организации.

Следовательно, совершение преступления преступной организацией предусмотрено ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ в качестве признака преступления.

В свою очередь, как групповое преступление, так и организованная группа являются формами соучастия, закрепленными в ст. 35 УК РФ.

Согласно п. “в” ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельствами, отягчающими наказание, признаются совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации).

Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

При таких данных соучастие осужденных в приготовлении к участию в деятельности террористической организации, т.е. в преступной организации, не может повторно учитываться в качестве отягчающего наказание обстоятельства.

То, что совершение преступления группой лиц и совершение преступления в составе преступной организации являются разными формами соучастия, не имеет правового значения, поскольку оба эти признака учтены в одном пункте (п. “в” ч. 1 ст. 63 УК РФ) в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Таким образом, указание о совершении И. и А. преступления в составе группы лиц как об отягчающем обстоятельстве, что противоречит требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ, подлежит исключению из приговора со снижением с учетом ч. 1 ст. 62 УК РФ назначенного осужденным наказания.

3. Невыяснение судом факта принадлежности жилого помещения, в котором военнослужащий проживал в качестве члена семьи нанимателя этого помещения, к государственному жилищному фонду повлекло отмену судебного акта

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 4 декабря 2018 г. № 201-КГ18-35*

(Извлечение)

Решением Калужского гарнизонного военного суда от 11 января 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 29 марта 2018 г., удовлетворено административное исковое заявление С., в котором он просил признать незаконным решение Центральной жилищной комиссии ФСО России (далее — жилищная комиссия) от 23 ноября 2017 г. об отказе в принятии его на учет нуждающихся в жилых помещениях.

Суд признал незаконным названное решение жилищной комиссии и возложил на жилищную комиссию обязанность по принятию в установленном порядке административного истца на жилищный учет.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 4 декабря 2018 г. судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права.

В суде установлено, что С. в 1993 году по месту работы в г. Калуге была предоставлена квартира на семью из трех человек (административный истец, супруга и сын), из которой он в 1997 году выехал в другое место жительства в связи с расторжением брака и оставлением жилого помещения бывшей супруге.

17 мая 1996 г. С. поступил на военную службу по контракту в воинскую часть, дислоцированную в г. Калуге, а 14 июля 2017 г. обратился с заявлением о принятии его на жилищный учет по месту прохождения военной службы с составом семьи из одного человека. В рапорте от 27 сентября 2017 г. административный истец просил предоставить ему субсидию для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия) в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2014 г. № 76.

Решением жилищной комиссии от 23 ноября 2017 г. административному истцу было отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях на основании подп. 1 п. 1 ст. 51 ЖК РФ, т.е. в связи с непредставлением документов, обязанность по представлению которых возложена на заявителя.

Признавая отказ незаконным и удовлетворяя заявление, суды исходили из того, что жилым помещением в порядке, установленном Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О стату-

се военнослужащих” (далее — Закон о статусе военнослужащих), С. в период военной службы не обеспечивался, а пятилетний срок с момента умышленного ухудшения им в 1997 году жилищных условий истек.

Между тем такой вывод сделан судами в отсутствие в деле данных о форме собственности жилищного фонда, за счет которого административному истцу была предоставлена квартира в 1993 году, тогда как выяснение данного обстоятельства имеет существенное значение для дела.

Право военнослужащих на жилище установлено п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих, согласно которому государство гарантирует военным служащим обеспечение их жилыми помещениями в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета, т.е. из государственного жилищного фонда.

Согласно абз. 13 п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что в 1993 году административному истцу была предоставлена квартира как молодому специалисту по месту работы в г. Калуге в управлении юстиции Калужской области.

В соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР, действовавшего до 1 марта 2005 г., к государственному жилищному фонду относились жилые помещения, находившиеся в ведении местных Советов народных депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд).

При таких данных в случае отнесения жилого помещения, которым был обеспечен административный истец, к государственному жилищному фонду предоставление С. жилого помещения в порядке, установленном Законом о статусе военнослужащих, может привести к сверхнормативному обеспечению его жильем за счет государства.

Следовательно, выяснение факта принадлежности названного жилого помещения к государственному либо ведомственному жилищному фонду являлось обязательным для суда.

Однако обстоятельства, связанные с получением административным истцом квартиры и отнесением ее к государственному жилищному

фонду, в судебных заседаниях первой и апелляционной инстанций не выяснились.

Отсутствуют в материалах дела и документальные данные об общей площади предоставленного административному истцу в 1993 году жилого помещения, тогда как это обстоятельство имеет значение для решения вопроса о признании за ним права на жилищную субсидию и расчета ее размера в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2014 г. № 76.

Что касается истечения пятилетнего срока с момента умышленного ухудшения административным истцом жилищных условий, то в случае отнесения занимаемого им до 1997 года жилого помещения к государственному жилищному

фонду это обстоятельство не является основанием для его повторного обеспечения жилым помещением за счет федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, поскольку в этом случае обеспечение военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам Жилищного кодекса РФ с учетом ранее полученного от государства жилого помещения, что следует из разъяснений, содержащихся в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Близкие родственники, настаивающие на продолжении производства по уголовному делу в отношении умершего, подлежат в обязательном порядке вызову в судебное заседание

*Постановление президиума
Краснодарского краевого суда
от 14 марта 2018 г.*

(Извлечение)

Постановлением Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 22 августа 2016 г. уголовное дело в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, было прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с ее смертью.

В кассационной жалобе адвокат просил об отмене постановления суда, мотивируя тем, что судом не были извещены о судебном заседании все близкие родственники М., имеющие право выразить свою позицию по рассматриваемому вопросу.

По постановлению судьи Верховного Суда РФ от 19 января 2018 г. кассационная жалоба адвоката в защиту интересов М. вместе с материалом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Краснодарского краевого суда.

Президиум Краснодарского краевого суда 14 марта 2018 г. отменил постановление суда и передал материал на новое судебное рассмотрение¹ по следующим основаниям.

¹По постановлению Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 22 августа 2016 г. (с учетом внесенных судом апелляционной инстанции изменений) уголовное дело в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с ее смертью.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П признал взаимосвязанные положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не соответствующими ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, чч. 1 и 2 ст. 46 и ст. 49 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников.

В Постановлении Конституционного Суда РФ отмечено, что, если при продолжении производства предварительного расследования будут установлены основания для принятия решения о реабилитации умершего, уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям, если же нет — оно передается в суд для рассмотрения в общем порядке. В этом случае близкие родственники, настаивающие на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, либо их представитель подлежат в обязательном порядке вызову в судебное заседание, чтобы они могли реализовать право на судебную защиту чести и доброго имени умершего, а также своих прав и законных интересов. При этом в рамках судебного разбирательства должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Рассмотрев уголовное дело по существу в обычном порядке (с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как подсудимый), суд должен либо, придя к выводу о невиновности умершего

лица, вынести оправдательный приговор, либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекратить уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24, п. 1 ст. 254 УПК РФ.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 10 марта 2016 г. № 456-О, под согласием близких родственников на прекращение уголовного дела следует понимать отсутствие возражений заинтересованных лиц из их числа на момент принятия данного процессуального решения, при том что имеется согласие одного из близких родственников на такое прекращение. Подобного рода презумпция согласия близких родственников, опровергаемая возражением хотя бы одного из них, позволяет обеспечить права этих лиц как всех вместе, так и каждого из них в отдельности, предотвратить конфликт их позиций, сохранить баланс их законных интересов.

По настоящему делу приведенные правовые позиции учтены не были.

В соответствии с п. 4 ст. 5 УПК РФ к близким родственникам относятся в том числе дети.

Как усматривается из материалов дела, органами предварительного следствия М. обвинялась в совершении мошенничества, т.е. приобретения права на чужое имущество путем обмана, в особо крупном размере.

Согласно данным свидетельства о смерти М. умерла 21 сентября 2009 г.

На стадии предварительного расследования уголовного дела в качестве свидетелей были допрошены Г. — супруг умершей М. и ее дети об известных им обстоятельствах совершения преступления.

Поскольку в ходе предварительного расследования Г. возражал против прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а органами предварительного следствия не было установлено оснований для реабилитации М., уголовное дело было передано для рассмотрения в суд по существу в обычном порядке.

В судебное заседание Г., привлеченный судом к участию в деле в качестве близкого родственника умершей подсудимой и надлежащим образом извещенный о времени и месте рассмотрения дела, не явился.

В судебном заседании государственным обвинителем заявлено ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела копии заявления Г. с просьбой о прекращении уголовного дела в отношении М. по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, — в связи с ее смертью.

При таких данных судом указанное ходатайство было удовлетворено.

Вместе с тем фактические обстоятельства данного дела, связанные с обвинением М. в совершении преступления, судом не исследовались, мнение близких родственников М. — ее детей о возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, — в связи с ее смертью, не выяснялось.

Допущенное нарушение уголовно-процессуального закона в соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ является существенным, повлиявшим на исход дела.

2. Подсудимому в ходе судебного разбирательства наряду с правами, указанными в ст. 47 УПК РФ, разъясняются и другие его права, в том числе право участвовать в прениях сторон

*Постановление президиума
Кировского областного суда
от 16 января 2019 г.*

(Извлечение)

По приговору Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 17 августа 2017 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Ч. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Ч. признан виновным в покушении на убийство Н. и в угрозе убийством С.

В кассационной жалобе Ч. просил об отмене судебных решений и передаче уголовного дела на новое судебное рассмотрение, поскольку судом ему не было разъяснено право ходатайствовать об участии в прениях сторон.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 11 декабря 2018 г. кассационная жалоба осужденного вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Кировского областного суда.

Президиум Кировского областного суда 16 января 2019 г. кассационную жалобу удовлетворил частично по следующим основаниям.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 11 УПК РФ в ходе судебного разбирательства уголовного дела суд обязан разъяснить обвиняемому его права, обязанности, ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав.

Согласно положениям ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в пп. 1—6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 292 УПК РФ подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон.

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве” предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства. В частности, при рассмотрении дела по существу судом первой инстанции

разъяснению обвиняемому подлежат не только права, указанные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, но и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право ходатайствовать об участии в прениях сторон наряду с защитником (ч. 2 ст. 292 УПК РФ).

Вместе с тем указанные положения судом первой инстанции при рассмотрении этого уголовного дела выполнены не были.

Как усматривается из протокола судебного заседания, подсудимому в ходе судебного разбирательства его право, предусмотренное ч. 2 ст. 292 УПК РФ, а именно право ходатайствовать об участии в прениях сторон, председательствующим по делу не разъяснялось, в судебных прениях он не участвовал.

На основании изложенного президиум Кировского областного суда отменил приговор и апелляционное определение в отношении Ч. и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение.

3. Передача оружия, совершенная между участниками группы, не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 222 УК РФ, если они совместно незаконно изготовили данное оружие с целью последующего сбыта

*Постановление президиума
Пермского краевого суда
от 27 апреля 2018 г.*

(Извлечение)

По приговору Дзержинского районного суда г. Перми от 7 сентября 2017 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции в части решения судьбы вещественных доказательств) К. осужден по ч. 2 ст. 222 и ч. 2 ст. 223 УК РФ, В. осужден по ч. 1 ст. 222, ч. 2 ст. 222 и ч. 2 ст. 223 УК РФ.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

К. и В. признаны виновными в незаконном изготовлении огнестрельного оружия, совершенном группой лиц по предварительному сговору, и в незаконном хранении, передаче, ношении и сбыте огнестрельного оружия, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

В. также признан виновным в незаконном приобретении, хранении, перевозке и ношении огнестрельного оружия.

В кассационной жалобе К. вину по ч. 2 ст. 223 УК РФ не признал, указав, что собранными по делу доказательствами не подтверждена его причастность к изготовлению оружия, кроме того, в приговоре не содержится описания указанного деяния.

Президиум Пермского краевого суда 27 апреля 2018 г. изменил состоявшиеся судебные решения, указав в обоснование следующее.

Вопреки доводам кассационной жалобы из содержания приговора следует, что судом установлено участие К. в незаконном изготовлении огнестрельного оружия, поскольку, действуя в рамках общего с В. преступного умысла, К. передал ему макет пистолета, заготовку ствола и ударник с пружиной для изготовления боевого огнестрельного оружия.

Между тем по смыслу уголовного закона под незаконной передачей оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать их незаконное предоставление лицами, у которых они находятся, другим лицам для временного использования или хранения.

Под незаконным ношением огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать нахождение их в одежде или непосредственно на теле обвиняемого, а равно переноску в различных предметах.

В. и К. вступили в сговор на совершение преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия, при этом в ходе реализации преступного умысла В. передал изготовленный им пистолет К. с целью последующего сбыта.

Эти действия соучастников по передаче друг другу пистолета судом квалифицированы по ч. 2 ст. 222 УК РФ как незаконная передача огнестрельного оружия, совершенная группой лиц по предварительному сговору. При этом судом не учтено, что передача одним участником преступной группы оружия другому не требует дополнительной квалификации действий соучастников как передачи этого оружия, поскольку оно посторонним лицам не передается и из-под контроля группы не выходит.

Кроме того, суд квалифицировал действия осужденных по ч. 2 ст. 222 УК РФ, а В. также и по ч. 1 ст. 222 УК РФ по признаку незаконного ношения огнестрельного оружия, однако описание их действий по ношению оружия в нарушение требований п. 1 ст. 307 УПК РФ в приговоре не привел.

Указанные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона судом апелляционной инстанции оставлены без внимания.

На основании изложенного президиум Пермского краевого суда изменил приговор и апелляционное определение в отношении В. и К., исключил из приговора в части осуждения по ч. 2 ст. 222 УК РФ указание на незаконные передачу и ношение огнестрельного оружия, а также исключил из приговора в части осуждения В. по ч. 1 ст. 222 УК РФ указание на незаконное ношение огнестрельного оружия, смягчив назначенное наказание.

**ОТВЕТ НА ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 4 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 8 ИЮНЯ 2015 ГОДА
№ 140-ФЗ “О ДОБРОВОЛЬНОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ
АКТИВОВ И СЧЕТОВ (ВКЛАДОВ) В БАНКАХ И О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ”**

Вопрос. Распространяются ли гарантии, предусмотренные чч. 3, 4 и 6 ст. 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ), исключительно на лиц, совершивших деяния, содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, чч. 1 и 2 ст. 194, ст.ст. 198, 199, 199¹, 199² УК РФ, либо они распространяются и на лиц, совершивших любое иное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом РФ?

Ответ. Частями 3 и 4 ст. 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ установлен абсолютный запрет в отношении декларанта и (или) номинального владельца имущества в случае совершения им любого деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, на использование в качестве основания для возбуждения уголовного дела или в качестве доказательства по уголовному делу факта представления декларации или документов и (или) сведений, прилагаемых к декларации, а также сведений, содержащихся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации.

В соответствии с ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ сведения, содержащиеся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, признаются налоговой тайной в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Режим хранения таких сведений и документов и доступа к ним обеспечивают исключительно налоговые органы. Иные государственные или негосударственные органы и организации не вправе получать доступ к таким сведениям и докумен-

там. Исходя из этого, не могут быть получены такие сведения и документы и на основании судебного решения.

Сведения, содержащиеся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, могут быть истребованы только по запросу самого декларанта. Декларант вправе представлять такие сведения и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Отказ в приобщении этих доказательств не допускается.

Наряду с гарантиями, предусмотренными чч. 3, 4 и 6 ст. 4 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ, п. 1 ч. 1 ст. 4 этого Закона предусматривает для декларанта и лица, информация о котором содержится в декларации, специальную гарантию в виде освобождения от уголовной ответственности при наличии оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 76¹ УК РФ, и с соблюдением установленных Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ условий, если они совершили деяния, содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, чч. 1 и 2 ст. 194, ст.ст. 198, 199, 199¹, 199² УК РФ.

Коллизии между соответствующими нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности” и Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ должны разрешаться в пользу последнего, исходя из того, что Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ предусматривает в отношении отдельных категорий лиц дополнительные гарантии их прав и свобод как участников уголовного судопроизводства.

*(Ответ утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
30 октября 2019 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Дзыбан А.А.**,
Журавлева Е.М., **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Свириденко О.М., **Хаменков В.Б.**, **Хомчик В.В.**, **Шиловхост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”**

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 28.02.2020.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,54. Тираж 8342 экз. Заказ 23-2020.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
